

ВЛАСТЬ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ?¹

М.В. Рац

Институт развития им. Г.П. Щедровицкого

С.И. Котельников

НИИ культурологии Минкультуры РФ

Аннотация: В статье ставится задача коренного переосмысления базовых понятий политической философии с позиций деятельностного подхода. В настоящей, третьей части рассматриваются основные системы правления, подробно разбирается понятие власти (противопоставляемой управлению) и основные её типы — субъектная и бессубъектная. Обсуждается влияние введённых представлений о власти на смежные понятия разделения властей, демократии и права.

Ключевые слова: политическая философия, системы правления, власть, управление, мышление, рефлексия, деятельностный подход.

...они правят в соответствии с неким искусством правления.
Платон

Любая система правления — продукт интеллектуального проекта. Если мы сумеем изобрести некую форму для свободного роста общества, не давая никому власти единолично контролировать этот рост, мы можем надеяться, что развитие цивилизации будет продолжаться.

Ф.А. фон Хайек

Неважно, кто правит. Важно, как это делается

3. Постановка задачи

Х. Арендт сформулировала ключевую мысль, которая определяет способ нашей работы: нельзя изменить традицию, пользуясь её понятийным аппаратом [Арендт 2014]. В данном случае речь идёт о традиционных представлениях, связанных с властью и управлением. Необходимость их пересмотра давно назрела, и Г.П. Щедровицкий [2000, 2003] начал эту работу, предложив в 1980-х гг. прошлого века принципиально новую концепцию управления.

¹ Продолжение статьи авторов, опубликованной в журнале «Политическая концептология». — 2014. — № 1. — С. 156–209. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/00.pdf>

Мы движемся в русле этой концепции, но трактуем её расширительно [Рац и Котельников 2014], имея в виду не только менеджмент, но также сферу государственного управления. Это делает неизбежным обращение к проблематике власти, соответствующее интенции Щедровицкого: на наш взгляд, он разрабатывал концепцию управления именно для отрицания и отвержения власти, реализующейся в форме господства человека над человеком. Здесь, однако, возникает замечательная коллизия.

Несмотря на то, что первоначальное представление об управлении худо-бедно рафинировалось лет сто назад и интенсивно разрабатывалось на протяжении всего XX века, в философско-политической литературе обсуждение власти идёт, как ни в чем не бывало, как будто и не возникает вопроса о соотношении её с управлением. т. е., традиционный дискурс власти в этом смысле остался неизменным. Управление же по большей части осмысливается независимо от власти: несмотря на интуитивно очевидную близость между ними, управлению (менеджменту) посвящена «своя» литература. И эти две библиотеки (посвящённые власти и управлению) слабо пересекаются. Всё это естественно: обсуждение власти продолжает многовековую традицию философско-политической мысли, а наука об управлении бурно развивается независимо от нее. (В этом плане симптоматично и получившее известность предложение учредить специальную науку о власти — кратологию [Халипов 2002 и др.] совершенно безотносительно к тому, есть наука об управлении или нет). С нашей точки зрения, власть и управление вообще — разнокатегориальные образования, но по причине их очевидной функциональной близости, в результате описанного положения дел неизбежна глубокая понятийная и терминологическая путаница.

Чтобы избежать ее, мы говорим о власти и управлении как о двух основных способах *правления*. Как гласит народная мудрость, «государь правит царством, а хозяин домом своим». В любом человеческом сообществе, так или иначе, выделяется правящая элита и масса, которой правят. При этом классическим предметом дискуссий в социологии оказывается вопрос, насколько складывающееся деление сообщества устойчиво или, напротив, изменчиво. Понятно, что во втором случае, если от раза к разу положение границы между правящей элитой и массами сильно меняется, само это деление может потерять смысл.

Мы, однако, обратим внимание на другую сторону вопроса, не менее фундаментальную, но не попавшую пока в фокус внимания социальных мыслителей. А именно, нравится нам это или нет, элита вынуждена решать две разнонаправленные задачи. Это: (1) поддержание сложившейся структуры сообщества и отправление сложившихся функций разных её элементов; (2) принятие и реализация замыслов преобразований — в обоих случаях с участием, с помощью или посредством масс. Стоит заметить, что задачи эти имеют место в любом сообществе, желающем обеспечить собственное воспроизводство, безотносительно к вопросу об устойчивости/изменчивости его деления на правящих и правимых.

Сочетание двух таких трудно сочетаемых дел — ещё одна коллизия, связанная с нашей темой, которую мы можем зафиксировать в порядке постановки. Но пока что идея правления нужна нам, чтобы можно было говорить об интегральных эффектах власти и управления как своего рода связки. Пока они не различены, все разговоры о власти, включая тексты классиков, строго говоря, следует относить к правлению. Далее **логично различать** (и этот момент приобретает ключевое значение) **два типа правления: господствующую пока нерасчлененную связку власти с управлением и их рефлексивную со-организацию, впервые становящуюся возможной только теперь, если и когда мы сумеем их различить**². Разумеется, на первых порах речь может идти исключительно о проработке этого плана в мысли, но именно о таких ситуациях сказано: нет ничего практичнее хорошей теории. А вот получится ли «тео-

² Понимание этого, казалось бы, самоочевидного тезиса сталкивается с трудностями. Трудности вызывает простейшая мысль: говорить о связях и взаимодействии двух сущностей можно только после того, как они различены и разделены. Хуже того, сама операция различения, видимо, чужда господствующему менталитету, многим даже образованным людям.

рия» хорошей или плохой — это зависит от нас и от того, удастся ли организовать коллективную работу над ней.

Если необходимость различения и сопоставления управления и власти представляется очевидной, то не из чего не следует, что правление ограничивается этими двумя сущностями. Действительно, если двигаться от сложившихся представлений о различных типах деятельности, то можно считать, что вместе с управлением и властвованием правление, как минимум, включает ещё и политику. Однако политика обособилась и автономизировалась квазиестественным путём задолго до появления идеи управления: мы говорили о ней в опубликованной части работы. В последние сто лет управление тоже автономизируется, в связи с чем (если принять нашу конструкцию правления) рафинируется и уточняется понимание власти, однако, этот процесс ещё далеко не завершён. **Поэтому наша задача теперь — более чётко разделить управление и властвование, уточнить их возможные места и функции в нынешней и будущей системах правления и дать более полное представление о власти.** Без этого трудно соотносить её с управлением.

В опубликованной части работы была представлена наша — деятельностная — картина мира и связанные с ней или даже следующие из неё соображения по части власти и управления. Они предстали у нас как два рядоположных, но принципиально разных и по-разному ориентированных способа правления. Однако когда мы перешли согласно своему плану к проработке исторического аспекта нашей темы, выяснилось, что сделанного для описания реальности, а следовательно, и для программирования возможных действий недостаточно: дело обстоит сложнее.

А именно, выясняется, что ни власть/властвование, ни управление не могут отождествляться с какими-либо конкретными системами правления (политическими режимами в широком смысле), которые известны из истории и существуют сейчас. Невозможно охарактеризовать никакую известную систему как исключительно властную или чисто управленческую. Иначе говоря, власть и управления невозможно мыслить как отдельные формы правления. Поэтому далее **мы будем говорить о власти и управлении как о средствах нашей работы, веберовских идеальных типах, с помощью которых можно теперь описывать и, — что важнее — конструировать разные системы правления.** Именно таким образом мы и будем ими пользоваться.

Возвращаясь к текущему состоянию мысли, нужно заметить, что особенно наглядным дефицит такого рода средств оказывается при анализе истории и современного положения дел в России, для которой характерна некая «властечентричность» (Ю.С. Пивоваров). Связанную с этим ситуацию хорошо описал знаток нашей политической системы Г. Павловский. Вот короткий фрагмент из его интервью [Павловский 2011]. *Вопрос.* «Я хотел спросить по поводу самого понятия власти. Как оно соотносится с понятием политического режима, государства? Паразитирует ли на государстве, является ли эрзацем государства?» *Ответ.* «Меня раздражает мистичность нашего понятия власти. Но оно, тем не менее, имеет какое-то содержание. Несомненно, оно вытесняет государство. Несомненно, этот тип власти не совместим с государством. И думаю, не совместим с нацией как таковой, то есть ни с какой нацией. Нация, государство, народ, гражданское общество — это всё понятия из западной культуры. А на Востоке ничего этого нет: есть власть государя и его подданные, подвластные: население, электорат».

Однако после сказанного выше о власти и управлении всё это требует, как минимум, уточнения. С формальной точки зрения, понятно, что речь здесь может идти только о власти в её традиционном, так сказать, «расширенном» понимании, которое мы обозначили словом «правление». Вместе с тем высказанные суждения очень правдоподобны и наводят на совсем уж крамольную мысль: может быть, никакого управления у нас и нет, а речь идёт именно о власти в точном смысле слова и только о ней? А управление — просто очередная западная выдумка вроде разделения властей, неприменимая в России? Так или иначе, пока не различе-

ны власть и управление и не выстроено соответствующее (с учётом этого различия) понятие власти, связанная с нею «мистика» неизбывна. Мы надеемся по возможности избавиться от нее. Мы рассчитываем также в ходе предстоящей работы чётче обозначить свою позицию в публичной полемике о власти, для которой, с нашей точки зрения, характерен дефицит понятийного и, в целом, средствального обеспечения.

В прошлый раз мы начали с конструирования и развёртывания идеальной (с нашей точки зрения) системы правления — системы «деятельности над деятельностью», основанной на представлениях об управлении, изложенных в упомянутых работах Г.П. Щедровицкого. Однако соответствующее новое представление о власти, которое нам пришлось вводить, так сказать, под пару к управлению было лишь намечено. Мы говорили о власти как социальном отношении, определяемом различием мест властвующего и подвластного, в пределе — господина и раба. Проявления власти, властвование при этом трактовались не как (мысле)деятельность, а как особая форма квазиестественного социокультурного поведения. (Мы говорили для краткости о М-деятельности и СК-поведении). Но оказалось, что запланированная работа требует развёртывания этих представлений. Причём, как мы увидим, они заметно перестраиваются, одновременно уточняя и дополняя наш проект системы правления в виде деятельности над деятельностью (Д/Д). Мы поговорим об этих дополнениях на своем месте (в разделе 3.3), но во избежание недоразумений сразу уточним обозначение нашего проекта: будем говорить не о системе Д/Д, как прошлый раз, а о системе, символически обозначаемой как Д/Д+.

Если пара *управление — система правления в форме проекта Д/Д* худо-бедно отработана, то теперь нам нужно разработать и выложить хотя бы в первом приближении, в общих чертах свои *представления и о нынешней синкретичной системе правления, альтернативной нашему проекту*. А для этого нужны более проработанные представления о *власти как упомянутом идеальном типе*: они-то и составляют основное содержание настоящей статьи. Только после этого мы будем считать, что имеем минимально достаточный инструментарий для перехода к истории и анализу реальных ситуаций.

В своей работе мы постоянно сталкиваемся с трудностью, которую только постепенно осознаем в полном объёме, включая и её определяющее значение для понимания нашего текста читателями. Речь идёт о необходимости по ходу развёртывания мысли всё время рефлексировать и контролировать (а читателям соответственно учитывать) использование в тексте разных модальностей. Основных модальностей две: проектная и констатирующая, но есть ряд осложняющих обстоятельств. Во-первых, эти модальности не всегда можно разделить, поскольку, например, все наши понятия имеют обе компоненты, а нам предстоит по преимуществу именно понятийная работа. Во-вторых, в обоих случаях мы формулируем свои суждения с разной степенью уверенности: в чем-то мы твердо убеждены, о чем-то можем лишь догадываться. В-третьих, возникают ещё более или менее проблематичные (по)следствия наших суждений, что дополнительно усложняет общую картину. Всё это довольно тонкие вещи, и мы то и дело ловим себя на их недостаточной артикулированности. Остаётся только надеяться на внимание и понимание читателя: кто предупрежден, тот вооружён.

Ради удобства читателей мы делим всю предстоящую работу на две части. В первой из них, ниже внимание будет сосредоточено на власти как таковой. Что касается реальной (альтернативной нашему идеалу Д/Д+) системы правления, то мы наметим только некоторые, так сказать, «направляющие» идеи, которые необходимы здесь в качестве контекста при обсуждении власти. В целом интересующую нас систему правления рассмотрим в следующей статье, на историческом материале. Наконец, надо предупредить, что, вынужденные сосредоточиться именно на власти и властвовании как таковых, мы лишь частично затрагиваем обширный куст представлений, связанных с властью, оставляя на будущее обсуждение *насилия, влияния* и т. д.

3.1. «Правительственность» Мишеля Фуко и «раздвоение власти» Юрия Пивоварова

Господствующие концептуальные представления о власти и управлении, если рассматривать их в связи с реальными системами правления, с нашей точки зрения, недостаточно проработаны и содержат массу нестыковок и внутренних противоречий. Ограничимся одним, лежащим на поверхности и потому особенно выразительным примером.

Нередко власть и управление, хотя и не сопоставляются напрямую, всё же фигурируют в одном и том же дискурсе. В России наиболее распространённой в таких случаях является трактовка управления как функции власти, что не мешает одновременному существованию противоположной трактовки власти как «специфического инструмента управления, используемого для достижения поставленных целей...» [Философия... 2004; см. также: Хейвуд 2005].

За этим формальным противоречием мы видим две принципиально разные концепции правления, которые и попытаемся в дальнейшем эксплицировать. К тому же надо иметь в виду, что идеи Щедровицкого по части управления пока не получили достаточно широкого распространения, и прямое сопоставление управления с властью на понятийном уровне вообще не проработано. Если бы мы решили написать сейчас «историю вопроса», имея в виду интересующее нас сопоставление, то оказалось бы, что никакой истории у него нет. Но зато историей его *контекста*: историей форм правления человеческим общежитием, в частности, управления и власти в её традиционном понимании (точнее, с нашей точки зрения, называемой так склейки власти с управлением) по отдельности можно было бы заниматься до конца жизни. Однако эта масштабная и актуальная работа не входит в наши задачи. Поэтому в качестве пролога к обсуждаемой теме рассмотрим два сравнительно недавних примера размышлений о власти, ориентирующие мысль в нужную нам сторону.

Мы, таким образом, хотим представить тот интеллектуальный контекст, в котором родились и развиваются новые представления об управлении. Власть же выступает в этих примерах, да и в общественном сознании в целом — в отличие от прорабатываемого нами инструментального представления, — как основная (если не единственная) форма правления. Напомним также о богатой предыстории вопроса зафиксированной в известном выражении, которое для наших целей можно сформулировать как «Король властвует, но не управляет». Аналогичным образом можно интерпретировать и наблюдение [Вебера 1990: 658]: «На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру «великого визиря».

Показательно, что к мысли о недостаточности понятия власти для описания работы государства пришёл именно М. Фуко, посвятившей проработке темы власти едва ли не всю жизнь и множество специальных работ. Представление о «правительности» или «управленчестве» (фр. «gouvernementalité»), было предложено им в конце 1970-х гг. [Фуко 2011] для обозначения и проработки «„руководства поведением“ мужчин и женщин, действующих автономно, а не по принуждению, пусть даже незаметному» [Донзло, Гордон 2008]. Или, как пишет [Кильдюшов 2008], речь шла «о возможности правления, предоставляющего населению максимальную социально-экономическую свободу» и выражающего при этом интересы не государства, а государства.

Так или иначе, речь идёт об экспликации способа правления, который не мешает гражданам государства оставаться автономными субъектами. Ещё в 1975–76 гг. [Фуко 2005: 264] говорит о двух механизмах правления: дисциплинарном (который он прорабатывал на предыдущем этапе своих размышлений) и регулятивном, который он и назовёт позднее *gouvernementalité*, объединяющем заботу о телах и душах людей. Показательно, что идея этой «правительности», понимаемой самим [Фуко 2011a] как тип властных отношений, быстро породила целое направление исследований и разработок — англ. *governmentality studies* [Донзло, Гордон 2008]. Вопрос, как говорится, созрел. (Это направление мысли, бесспорно,

требует особого внимания со стороны российских исследователей, что, однако, далеко от наших задач). В своем последнем курсе лекций «Управление собой и другими» [Фуко 2011б] прямо говорит об управлении (*gouvernement*), хотя не разрабатывает этого понятия. Вместе с тем основная идея этих лекций — парресия (необходимость говорить и действовать по правде), с нашей точки зрения, служит важнейшим признаком управления, отличающим его от власти. Об этом мы ещё поговорим.

Кажется, совсем иной ход мысли демонстрирует [Пивоваров 2004, 2006, 2014 и др.], обсуждая властечцентричную самодержавную «Русскую систему» (о ней нам тоже предстоит специальный разговор). В своем тезисе о «раздвоении власти» он опирается на суждение известного правоведа XIX в. А.Д. Градовского: «Права государственной власти, во всем их объёме, принадлежат Государю Императору. Нет той сферы управления, которая бы не была подчинена его самодержавию. Но из этого не следует, чтобы император осуществлял свои права непосредственно. Правильная организация... предполагает существование посредствующих властей, действующих именем императора, но самостоятельно в кругу представленных им дел...» [цит. по: Пивоваров 2004: 108]. Таким образом, фиксирует Пивоваров, верховная власть субстанциальна, а «посредствующие власти» функционально разделены и предметно ориентированы.

Поворот в интересующем нас направлении возникает, если заметить наряду со сказанным, что верховная власть по гамбургскому счёту озабочена, прежде всего, поддержанием *status quo*, а проработкой необходимых (для сохранения этого *status quo*) перемен, в т. ч., реформ занимаются как раз «посредствующие власти». Достаточно вспомнить имена Витте, Столыпина или Косыгина и Гайдара. Такой взгляд на систему правления уже явственно напоминает разделение функций между властью и управлением из опубликованной части нашей работы, где мы приписали ответственность за поддержание стабильности власти в противоположность управлению, ответственному за перемены. Что опять же напоминает о М. Фуко, говорившем о «...пространстве свободы, понимаемом как пространство... возможного изменения» [Фуко 1996: 391] в противоположность пространству власти, где сохраняется статус кво. Далеко не случайно и совпадение с выделенными нами в начале (п. 3.0) задачами, которые призвана решать любая система правления.

Нельзя не отметить также поистине удивительное обстоятельство, правда, становящееся очевидным при условии принятия нашей интерпретации функционального различия власти и управления. А именно, это различие находит в России устойчивое (на протяжении многих столетий) морфологическое выражение в системе органов государственной «власти и управления». С одной стороны, мы имеем органы власти в виде последовательно сменяющих друг друга Императорского двора, Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, ЦК КПСС, Администрации президента. А с другой, — органы управления в виде Приказов (XVI–XVII вв.), Коллегий (XVIII в.) и Министерств (XIX–XX вв.) [Пивоваров 2006: 21]. На Западе такая устойчивая морфологизация была характерным явлением в эпоху абсолютизма — вспомним классическую в этом смысле фигуру Ришелье при Людовике XIII, — и только в России (если говорить о Европе) она сохраняется поныне.

Для полноты картины здесь было бы вполне уместно поговорить ещё и о работах, нацеленных на ликвидацию отношений господства-подчинения в человеческом общежитии. В сущности, и у нас речь о том же, но, во-первых, мы уже не раз ссылались на представительную в этом смысле статью [Шапиро 2012] и можем не повторяться. Во-вторых, — и это важнее — дело осложняется тем, что место и роль отношений господства-подчинения в обществе (а соответственно и отношение к ним) можно представлять по-разному. Поэтому нам придётся рассматривать этот вопрос не как элемент контекста, а непосредственно в рамках содержания нашего проекта далее, в разделе 3.3.

3.2. Власть и управление vs системы правления

Чтобы не повторять наши теоретические выкладки [Рац, Котельников 2014: п. 1.2], ограничимся примером, демонстрирующим различие власти и управления. Пример — недавняя история реформирования Российской Академии наук — пригодится нам и далее для характеристики современного положения дел в стране и путях её возможного изменения.

В 2000-е гг. государство, неудовлетворённое эффективностью науки в России, несколько раз выступало с инициативой реформы, но непродуманность этих предложений всякий раз давало возможность Академии аргументировано отклонять замыслы радикальных перемен. Наконец, в 2013 г., будучи не в состоянии переубедить учёных, государство вопреки сопротивлению РАН приняло желательное ему законодательное, т. е., по отношению к учёным силовое решение и худо-бедно его реализует.

В наши планы входит специальное рассмотрение этой истории, но здесь нас интересует в ней проявление двух способов действий, идущих, если иметь в виду привычную иерархию, сверху вниз и направленных на достижение одного и того же результата. Первый — попытка, пусть и неудачная, *убедить* учёных в необходимости реформ; второй — использование *принуждения* для достижения тех же целей. Первый способ квалифицируется как управленческий, второй — как властный: отсюда выстраивается наша система понятий³. Если воспользоваться привычными субъект-объектными представлениями, можно сказать, что в первом случае государство пыталось работать с Академией как с субъектом, во втором сработало как с объектом. Если считать успехом дела реализацию первоначального замысла преобразований, то окажется, что в первом случае успех зависит от компетентности управленцев, а во втором — только от наличия властных полномочий: сила есть, ума не надо.

Но более важно и симптоматично, что Академия подчинилась, т. е. не просто оправдала, а *признала и тем самым легитимировала*, т. е., в сущности конституировала такое к себе отношение. Это тонкий, но важный момент, заставляющий осторожно относиться к сказанному в предыдущем абзаце. Дело в том, что та или иная квалификация происходящего парадоксальным образом определяется «нижней» системой, а в данном случае Академия наук ни рефлексии, ни М-деятельности не проявила. Она оказалась как бы косным материалом, «убеждать» который в чем бы то ни было заведомо невозможно. (Другое дело, что до такого состояния Академию нужно было довести, но это уже особенность нашей истории).

Мы анализировали этот случай специально [Рац, Котельников 2014а] и просим читателей не делать далеко идущих выводов из этого примера: он предназначен для общей ориентации и, как выясняется в дальнейшем, иллюстрирует лишь один из типов власти: такую власть мы далее назовём субъектной. Суть её предельно лапидарно выразил [Никольский 2015]: «властвовать означает — принимать решение за другого». Конечно, это сильное упрощение. Например, можно сразу добавить, что юристы, говоря о власти закона, явно имеют в виду нечто иное, к чему вряд ли применимо даже слово «властвование» — в отличие от «власти». В целом представляемая нами картина довольно сложна, и мы вынуждены развёртывать её постепенно.

Надо думать, что именно с разнотипностью, разнородностью власти связаны трудности выработки её онтологии и понятия о ней «вообще», «в целом». Именно поэтому мы центрируемся далее на типологии власти. Другая хорошо известная трудность, только отчасти обусловленная первой, это многообразие (часто вплоть до несопоставимости) бытующих трактовок власти. Нам важно различать связанные с этим направления мысли, не смешивая их ещё и с разными формами проявления, в т. ч., «ликами», или «измерениями власти» [Льюкс 2010].

³ Мы вовсе не считаем её «единственно правильной»: ту же мысль можно выразить и другими средствами, да и соглашаться с самой мыслью вовсе не обязательно. Но мы, естественно, будем разворачивать именно её в надежде на содержательные возражения оппонентов, которые продвинут нас всех вперёд.

Наряду со сказанным для последующего анализа важно развести ещё *два ряда представлений*. Один ряд относится к власти и управлению как таковым: об управлении мы говорили прошлый раз, власти посвящена настоящая статья. Второй ряд включает представления о различных *системах правления*: мы вынуждены говорить о них отдельно, поскольку формы правления, использующие только принуждение или только убеждение, не встречаются в «жизненном мире» как чистые и стабильные. В опыте мы имеем дело с учреждениями и лицами, принимающими решения (ЛПР), за которыми стоят смешанные системы, сочетающие в себе властные и управленческие компоненты в разных отношениях и пропорциях. (При более детальном анализе мы увидим это и в приведённом примере). Вспомним хотя бы расхожее выражение «органы власти и управления» или популярный фразеологизм «разделять и властвовать»: разделение («нижней» системы) может трактоваться как управленческое действие, которое и создаёт условия для властвования.

Когда мы говорим о «чистых» способах и/или ориентациях правления, мы имеем в виду *идеальные типы*⁴, используемые в качестве *средств нашей работы*. А именно, анализируя известные в истории или наблюдаемые в современном обществе смешанные (нерасчленённые) системы правления, мы можем использовать идеальные типы правления как «очки», через которые будем усматривать (или не усматривать) соответствующие функциональные компоненты этих систем. Выбирая те или иные очки, мы увидим в жизни разные вещи. Вот М. Фуко предлагал очки, сквозь которые видна «правительственность». Мы же выбираем очки с властью и управлением, поскольку эти слова укоренены в русском языке, а соответствующие представления в нашей ментальности. Поэтому те понятия, которые мы выстраиваем за ними, достаточно близки к их словарным значениям и бытующим коннотациям.

Изложенные представления в корне отличаются от господствующих ныне. В связи с этим, переходя к системам правления, полезно вспомнить о наиболее распространённых их формах, обычно характеризующихся как

- (1) авторитарные и демократические;
 - (2) типичные соответственно для традиционного и современного общества, условно говоря, Востока и Запада;
 - (3) формирующие полицейское либо политическое государство [Филиппов 2013];
 - (4) присущие закрытому и открытому обществам [Поппер 1992];
 - (5) построенные на нелиберальной, либо либеральной демократии [Захария 2004];
 - (6) обеспечивающие порядок ограниченного или открытого доступа [Норт и др. 2011]
- и т. д.

Если иметь в виду нашу задачу — уточнить и эксплицировать понятия власти и управления, — видно, что в этом перечне речь идёт не о них, а именно о разных системах правления, политических режимах. Но принципиально разных среди них не так уж много. Конечно, это всё не одно и то же, однако во всех шести разных представлениях угадывается некий общий знаменатель, связанный с упомянутыми формами и пропорциями сочетания неразличённых пока властного и управленческого начал⁵. Мы видим за ними системы правления всего двух типов, которые [Липкин 2007], делая шаг в нужном нам направлении, назвал приказной и договорной. (Это деление неявным образом фигурировало и в привычной для второй половины прошлого века картине трех миров, только приказная система представлялась в двух модификациях — второго /мира социализма/ и третьего из них). Разумеется, такое двучлен-

⁴ Надеемся, что читателя не запутает употребление слова «идеальный» в двух словарных значениях: идеальный — как относящийся к *идеалу* (если речь идёт о конструировании «системы для будущего») и как относящийся к *идеальной действительности мышления* в отличие от реальной жизни (если речь идёт о типах).

⁵ Похоже, что он же стоит и за показателем «дистанции власти» Г. Хофстеде. Если же говорить о политико-управленческих науках, именно разные формы и пропорции сочетания властного и управленческого начал, по идее, должны были бы стать основным предметом исследования. Для чего сочетающие их системы правления также должны быть представлены надлежащим образом: как идеальные объекты.

ное деление можно всячески детализировать, а можно рассматривать и другие варианты — см., например учебник [Хейвуда 2005], — но мы примем его за основу и двинемся дальше.

Сперва три попутных замечания. Первое. Повторим для ясности: власть (как и управление), если её вычленишь и, так или иначе, зафиксируешь как понятие, везде одинакова, а вот системы правления при этом везде разные, обусловленные исторически. Поэтому наряду с приведённым (разумеется, открытым) перечнем различных *идеализаций* систем правления, нужно иметь в виду и множество их разнообразных *реализаций*. Причём многообразие это равно присуще как приказным, так и договорным системам.

Второе. В плане нашей нынешней темы различие приказной и договорной систем было чётко зафиксировано Ю.С. Пивоваровым ещё до введения этих понятий, причём не вообще, а применительно к России. Он писал: «В нашей стране господствует „самодержавная политическая культура“. Её главная характеристика — властечцентричность. Причём „власть“ должна писаться с большой буквы — „Власть“. Она ведущее действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования — царь, император, генсек, президент. Важно также подчеркнуть, что эта Власть всегда персонифицирована, т. е. обязательно предполагает определённого её носителя (в отличие от этого на Западе власть имеет абстрактную природу — отделена, независима от правителя, не является его личной прерогативой)» [Пивоваров 2006: 17].

Третье. Говоря об известных в истории, а также существующих ныне системах правления, или, как принято в политологии, о политических режимах, необходимо отличать официальные конституционные и правовые, нормы от реальной политической жизни, провозглашённые цели — от действительной политики. Об этом Ф. Бурлацкий и А. Галкин писали ещё на заре перестройки, но связанные с этим трудности отнюдь не преодолены. Причём, если в международных отношениях они повсеместны и неизбывны (это так называемая проблема двойных стандартов), то особая роль указанного различия во внутренней политике остаётся характерной для России и стран СНГ. Собственно, само расхождение официально провозглашаемых и фактически практикуемых ценностей, целей, правовых норм и других ориентиров деятельности стало важнейшим отличительным признаком стран с приказной системой правления, поскольку в подавляющем большинстве они *имитируют* западную, договорную систему.

Последнее замечание приобретает особое значение, если вспомнить о понимании политического режима, например, Р. Макридисом, как «путей и способов, при помощи которых нормативные установления системы реализуются в практике государственных институтов» [Категории... 2002: 154]. т. е., по-нашему, как системы реализации (политических) замыслов (см. схему 2 в опубликованной части нашей работы). Из этого вытекает своего рода **«категорический императив» по отношению к политическому режиму: в идеале он должен при всех условиях обеспечивать соответствие политической практики провозглашаемым нормам.** Стремление к этому идеалу (напоминающему о парресии древних греков и [Фуко 2008]), который в большинстве стран мира пока предельно далёк от реальности, является одним из важнейших стимулов настоящей работы.

Дальнейшее направление нашей мысли определяется среди прочего основополагающим противостоянием двух позиций в спорах о судьбе России, восходящих ещё к дискуссиям славянофилов и западников. Сторонники одной позиции (и приказной системы правления) признают «властечцентричность» России как её атрибутивное, органическое свойство. Сторонники другой позиции (и договорной системы), признавая это свойство, напротив, считают его, функциональным, преходящим обстоятельством, связанным с конкретными особенностями истории страны. Спор этот тянется скоро уже двести лет, и здесь нам важно зафиксировать свою точку зрения на этот счёт. Она состоит в том, что пора оставить этот бесконечный обмен аргументами и контраргументами и двинуться вглубь обсуждаемого предмета, к основаниям названных позиций. Вспомним мысль Х. Арндт, с которой мы начали: может быть,

предмет спора не такой уж «плоский» и наряду с двумя обозначенными позициями, допускает и иные представления?

С этим связана ещё одна фиксация, относящаяся к общему программному контексту нашей работы. Как известно, наличные системы правления человеческим общежитием никогда не удовлетворяли и не удовлетворяют людей. (В первой части работы, мы продемонстрировали некоторые основания для такого неудовлетворения в современном мире). Собственно, политическая мысль, в конечном счёте, всегда была и остаётся явно или неявно направленной на совершенствование этих систем. Отсюда наряду с ныне существующей растяжкой между приказной и договорной системами правления возникает вторая: между прошлым и будущим, ортогональная к первой.

В целом наша работа идёт в контексте второй растяжки: **мы как бы оставляем позади обе синкретические системы правления — приказную и договорную** (а вместе с ними и споры типа славянофильско-западнического) **— и движемся вперёд, в будущее.** Причём движемся не на волнах естественной эволюции, а целенаправленно. Именно в направлении того эскизного проекта идеальной системы правления, в основе которого лежит рефлексивная организация власти и управления. Эскиз этот был описан прошлый раз, и теперь, реконструировав и дополнив его содержание, мы рассчитываем показать, что он радикально отличается от двух реальных систем, для чего и сосредоточимся далее на принципах их организации.

3.3. Наш проект и его контекст. Первые подходы к «власти»

Этот проект был в первом приближении выстроен в движении от абстрактного к конкретному и представлен, повторяем, в форме системы правления, трактуемой как «деятельность над деятельностью». В такой системе власть принадлежит правовому закону, встраивается строго на отведённое ей функциональное место и ограничивается им. Эмпирически такая система, пожалуй, больше всего похожа на упоминавшийся «порядок открытого доступа». Хотя, с нашей точки зрения, отнюдь не идентична ему. (Во всяком случае расхожая либеральная метафора государства как нанятого обществом ночного сторожа применительно к идее управления и системе Д/Д+ явно не работает). Мы, таким образом, предлагаем помыслить новый главный водораздел между возможными системами правления. Он проходит не в географическом пространстве, скажем, между Европой и Африкой, а во времени — между настоящим и будущим. **Существующий водораздел между приказной и договорной системами при всей своей важности становится для нас второстепенным. Намечаемый главный проходит между обеими существующими системами, с одной стороны, и системой, проектируемой на будущее, — с другой.**

Теперь перед нами стоит задача реконструировать и представить альтернативную нашему проекту широко распространённую ныне преимущественно властную систему правления, включая обе названные её разновидности. Эта задача для нас представляется более сложной. Здесь и теперь мы в лучшем случае сделаем первые шаги к её решению. Действительно, в случае системы Д/Д мы создавали новую конструкцию: связанные с нею трудности проявятся в будущем, если и когда она начнёт обсуждаться, проблематизироваться и затем, — если уж очень повезёт! — реализовываться в различных, но пока неизвестных нам формах. До этого надо ещё дожить. С нынешней же властной системой правления ситуация противоположная: мы должны построить понятие, релевантное множеству её эмпирических реализаций — известных из истории и существующих сегодня.

Это очень неоднозначная постановка вопроса. Может быть, вернее говорить здесь не о понятии, а о понятиях? Во все не факт, что в основе всех известных систем правления лежат некие общие принципы, тем более, что мы признали существенное различие приказной и договорной систем. (И правда: договорная система больше похожа на проектируемую нами, не-

жели приказная). Тем не менее, обе существующие системы строятся на основе классических синкретичных представлений о власти. В принципе, по понятию власть и управление при этом вообще не различаются и не сопоставляются друг с другом. А ставящаяся во главу угла в общественно-политическом дискурсе оппозиция авторитаризма и демократии (традиционно понимаемой как «власть народа» — об этом далее в п. 3.6.1) никак не заменяет обсуждаемого нами сопоставления.

Таким образом, *если вести речь о массовом сознании*, включая и сознание власть имущих (в данном случае такое единство немаловажно), мы по сию пору имеем ситуацию, в которой задействованы люди, ещё не отрефлектировавшие управление как особый тип мышления и деятельности. Для них власть сакральна, а правление вообще, в сущности, синонимично властвованию: они не мыслят правление в иных формах. При этом власть имущие используют управление, если и как они его понимают, в своих целях. По-видимому, здесь имеет место нечто аналогичное отношениям владельцев бизнеса с топ-менеджерами (но надо уточнить, что в обоих случаях речь идёт о позициях, а не о занимающих эти позиции людях). Владельцу бизнеса (или власти имущим) незачем влезать в тонкости управления. Но, **если управление понимается как функция власти, немудрено, что методы и средства, которые мы считаем присущими управлению и Д/Д, пока осмысливаются и описываются как инструменты власти.** Хотя в нашей системе понятий, они не могут иметь к ней никакого отношения.

Иными словами, сложившиеся пока представления не отрефлектированы, не дифференцированы и должны относиться к любому правлению «вообще». Понятно, что они оказываются при этом очень бедными и на смысловом уровне сводятся к реализации своих замыслов правящими с помощью или посредством других людей, которыми правят. Механизм правления состоит в передаче первыми вторым («сверху вниз») неких сигналов, текстов, содержание которых должно изменить их поведение/деятельность, которые не различаются. Таким содержанием могут быть регулятивы (ценности, цели, нормы), знания, проекты — от идей до прямых указаний. Но как тип содержания, так и способ передачи уже напрямую связан с особенностями конкретной системы правления.

В этом плане неслучайно разговор о соотношении власти с управлением если и заходит, то, как правило, не в философии или политологии, а в рамках вполне «приземлённой» науки о государственном управлении. Но обсуждаются при этом не понятия власти и управления (таких понятий там в нашем понимании нет), а их особенности как *политической* власти и *государственного* управления. Причём характерно, что в описании бытующих на сей счёт взглядов на первом месте оказывается всё же отождествление всех проявлений государственной власти (или её исполнительной составляющей) и государственного управления [Сморгунов 2006: 25]⁶. В качестве альтернативы утверждается вторичность, производность управления от власти: управление, как мы уже говорили, трактуется как функция власти [Там же: 30]. (Для полноты картины заметим, что управление при этом отождествляется с администрированием). Применительно к существующим системам правления, и, в особенности, к приказной форме последнее суждение видится почти точным⁷, и даёт нам подходящий случай сформулировать аналогичный тезис для нашего проекта, где всё переворачивается. А именно, в рамках нашего проекта Д/Д+ власть (но только, как говорилось, власть правового закона) оказывается функцией управления (вспомним примеч. 3).

⁶ Наиболее типично, по-видимому, и здесь, просто отсутствие всякой рефлексии по поводу их возможного различия и соотношения. См., например: «Целью изучения дисциплины „История государственного управления в России“ является формирование у студентов целостной системы представлений о... власти в России...» (http://www.iner.ru/docs/umk/ump/istoriya_gosudarstvennogo_upravleniya_v_rossii.pdf)

⁷ «Почти», потому что говорить о функциях осмысленно применительно к искусственно представляемым объектам, а власть мыслится как естественное условие существования общества (в прошлом же — как сакральная, данная Богом). Подробнее об этом далее.

Итак, для осмысления охарактеризованной таким образом сегодняшней ситуации нам и нужно, в конечном счёте, сконструировать обобщённое представление о существующих системах правления. Оно прорисовуется в ходе нашей работы над историей. Пока же постулируем **коренное различие между проектируемой и наличной системами** (в обоих её вариантах). **В первой**, как было показано прошлый раз, **власть** (как обеспечивающая стабильность власть закона, нормоконтроль) **локализована и встроена в систему Д/Д+**. **Во второй**, напротив, **управление** (ответственное за перемены) **обслуживает власть имущих**. (Далее, в разделе 3.5.1 мы рассмотрим различия между их властью и властью закона). **При этом проектируемая система рефлексивна** (построена на рефлексии), **а наличная — нет**⁸.

В основе проектируемой системы (Д/Д+) лежит схема, в которой управленческая надстройка рефлексивно охватывает и ассимилирует управляемую подсистему (рис.4)⁹. Такое отношение рефлексивного охвата и ассимиляции на фоне господствующих представлений об управлении непривычно: это специфически общественное явление (в отличие от биологических и технических систем), требующее от действующих лиц рефлексии и мышления. Мы специально даём простейший вариант схемы, чтобы подчеркнуть целостность оргтехнической системы. Об указанном отношении и внутреннем устройстве системы см.: Щедровицкий 2000: 38; 2003 и затем вторую главу опубликованной части нашей работы.

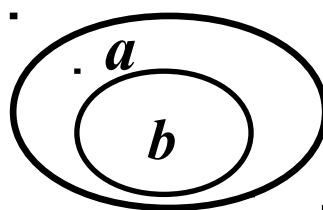

Рис. 4. Деятельность *a* (управляющая) над деятельностью *b*.
Простейшая схема оргтехнической системы.

Здесь нужно сказать об упомянутых выше уточнениях и дополнениях к нашим текущим представлениям о системе Д/Д+. Они состоят в том, что, если управление представляется нами только и исключительно как мыследеятельность особого типа, то в рамках *правления* о (нижней) подсистеме, которой правят, нечто подобное можно говорить только, имея в виду идеал, чем мы и пользовались до сих пор. Однако идеал по понятию недостижим. Фактически любая общественная система заведомо разнородна и наряду с деятельностью содержит в себе поведение и другие проявления жизнедеятельности (включённых в неё людей), которые вместе с самим этим понятием ещё предстоит эксплицировать и описать с деятельностной точки зрения. Управлять же естественными процессами жизнедеятельности (в отличие от мыследеятельности), с нашей точки зрения [Рац 2011] невозможно, а потому в рамках нашего проекта они подлежат нормировке и контролю соблюдения норм, естественно, посредством власти. Поскольку, однако, девиантное поведение неизбежно, сохраняются и отношения господства/подчинения, как минимум, в отношениях представителей правоохранительных органов с преступниками.

В сущности, сказанное ничего не меняет в наших изложенных прежде представлениях. Однако если иметь в виду хотя бы далёкую перспективу возможной реализации обсуждае-

⁸ Последняя фиксация имеет фундаментальный характер не только в теории, но и на практике. Как написал по этому поводу в частном письме наш коллега В.Г. Марача, «у кого ранг выше — тот может „управлять“, а у кого его не хватает — тот пытается „властвовать“, т. е. продавливать свою линию, не обращая внимания на содержательные аргументы („я начальник — ты дурак“). Если, конечно, есть ресурс для продавливания. А тот начальник, который „не дурак“ — он ничего не продавливает, а действует содержательно и рефлексивно».

⁹ Во избежание путаницы мы продолжаем нумерацию рисунков, начатую в прошлой статье.

мых замыслов, сделанное пояснение приобретает важнейшее значение и является достаточным основанием для добавления знака «+» к обозначению нашего проекта.

В отличие от системы Д/Д+ принципиальная структура существующих систем может быть представлена в классической кибернетической схеме «управления» с прямой и обратной связями между автономными подсистемами (рис. 5).

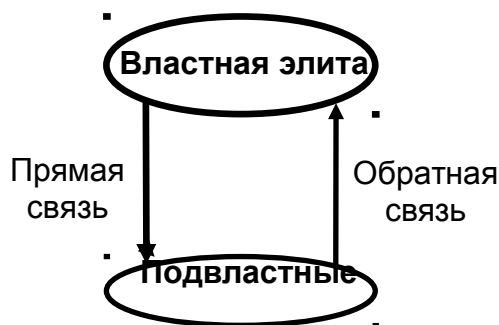

Рис. 5. Схема властвования

Поскольку эту схему в кибернетической традиции и в технике принято считать схемой управления, здесь, конечно, требуется специальное пояснение. В нашей системе представленный выше контроль в указанном понимании в принципе не может осуществляться по схеме рис. 5. Зато именно по ней осуществляется управление в технических системах. Иными словами, в отличие от Н. Винера и широко распространённых поныне представлений, мы видим коренные различия между управлением в природных и технических системах, с одной стороны, и социальных — с другой. Будучи спроецирована в человеческий мир, где тогда исключаются любые проявления рефлексии и мышления, кибернетическая схема «управления» предстаёт для нас схемой субъектной власти в самом рафинированном её виде. С современной точки зрения, субъектная власть есть не что иное, как (неправомерное) распространение «инженерного» подхода, как работы с косным материалом на мир деятельности, человека и общество.

Более пристальный взгляд, однако, наводит на мысль, что это скорее схема не власти, а властвования. И, может быть, с этой, вроде бы незначительной деталью, связан «секрет» власти: о ней тогда приходится говорить как о понятии, производном от властвования. В результате власть предстаёт перед нами как некая субстанция, мыслящаяся отдельно от системы властвования и отношений господства/подчинения. Заметим, что в представлениях об управлении ничего похожего нет: управление является точным аналогом именно властвования, а отнюдь не власти. Если, следовательно, сопоставлять две системы правления, о которых мы говорим, то «власть» вообще оказывается едва ли не лишним представлением. Его существование оправдывает только второе значение «власти» типа власти закона (бессубъектной — о ней см. далее п. 5.2.1), к которой неприменимо ни представление о властвовании, ни кибернетическая схема.

Сопоставляя приведённые принципиальные схемы, выделим три их важнейших и тесно связанных между собою различия. (Каждое из них требует развёрнутого обсуждения, и здесь мы можем лишь зафиксировать подлежащие раскрытию тезисы: не забудем, что «объект» стоящий за схемой рис. 4 — управление, как мы его понимаем, — в историческом масштабе времени находится лишь в стадии становления).

Первое определяется тем, что в схеме на рис. 4 (в методологии её называют схемой оргтехнической системы — ОТС) фигурируют исключительно *деятельности* (а и б) в то время как на рис. 5 представлены *люди*. И мы должны повторить ещё раз: управляют деятельностью, властвуют над людьми. Разумеется, любая деятельность живёт на людях, и смысл ска-

занного вовсе не в том, чтобы элиминировать из ОТС человека. Смысл в том, — и это видно при более детальной прорисовке схемы [Щедровицкий 2000: 38], — что люди фигурируют там в виде позиций, как раз и представляющих различные типы деятельности, а отнюдь не личностные характеристики Иванова, Петрова или Сидорова. Как свидетельствует опыт истории, личностные особенности часто приобретают решающее значение именно в системах власти. Управление же вводится как особый метод правления, ориентированный именно и только на деятельность, но ни в коем случае не на человека. Метод, исключаящую всякую попытку, пользуясь словами [Пузыря 1997: 164], «что бы то ни было „делать с“ другим человеком». Человек в ОТС остаётся свободным, независимо от того, осуществляет ли он управление, или работает «внизу».

Не менее важно второе отличие, видимое непосредственно на рисунках. В «матрешечной» схеме ОТС (рис. 4) мы имеем одну систему, а в схеме властвования (рис. 5) — две разные, хотя и связанные между собой. Социально-политические последствия этого обстоятельства трудно переоценить. Хотя бы потому, что управленческая система живёт как единое целое, а властная объединяет две системы, каждая из которых относительно самостоятельна, живёт по своим законам и имеет собственные интересы¹⁰. Во избежание недоразумений повторим, что в предлагаемой парадигме, если говорить об обществе (а не об автомобиле) вопреки господствующим представлениям кибернетическая схема не может иметь никакого отношения к управлению, и это имеет важнейшее значение для понимания ситуации в сфере управления и политико-управленческих наук. Зато становится понятным механизм власти, действительно, основанный на прямой и обратной связи (обмене информацией) между властью имущими и подвластными.

При этом обратная связь носит в такой системе чисто подсобный характер, обеспечивая власть имущих информацией о происходящем «внизу». Что вовсе не обязывает власть менять политику: она может поступать так или иначе по своему усмотрению. Именно поэтому в подобных системах решающее значение приобретают личные качества «первых лиц». Т. е., это даже не регулятор Уатта: никакого автоматического регулирования здесь не происходит. Это те самые «верхи» и «низы», о которых писал Ленин, и нарушение связей и отношений между которыми может привести к революции. Причём, как мы говорили, здесь работает механизм не деятельностный, а поведенческий. В рамках системы Д/Д+ ничего подобного не может быть в принципе. (Кстати, понимание последнего утверждения может служить тестом на проверку понимания схемы рис. 4).

Со сказанным хорошо увязываются суждения о реальных (властных) системах правления, в рамках бытующих представлений относимые, естественно, к «власти» как таковой. Типичное для политической мысли синкретическое понимание «власти» сформулировал Хантингтон [Хантингтон 2003: 119]. «...Власть — это способность одного человека и группы изменить поведение другого человека или группы. Поведение можно изменить стимулом, принуждением или убеждением, что требует от обладателя власти экономических, военных, институциональных, демографических, политических, технологических, социальных и иных ресурсов». В данном случае нам важно, что в приведённом перечне ресурсов, хотя и открытым, отсутствуют интеллектуальные ресурсы, играющие, очевидно, решающую роль при использовании убеждения.

¹⁰ Это как раз тот случай, про который сказано: всё в мире имеет свою цену, только делают одни, а платят другие. В России это особенно наглядно. Как говорит известный социолог А. Левинсон, «Отделять себя от власти, противопоставлять себя ей — это черта русской культуры. Не диссидентской, не интеллигентской — всей культуры. Про власть принято говорить «они»: это они не починили дорогу, это они сделали так, что пенсии маленькие. Они, а не мы» (<http://www.novayagazeta.ru/politics/65985.html>). По-своему и очень образно представил противостояние властной вертикали и подвластных А.Олейник в статье с характерным названием «Вегетативная социальная жизнь»: http://www.ng.ru/ideas/2015-06-26/5_social.html. Всё это, разумеется, ничуть не мешает «единству власти и народа» в авторитарных/тоталитарных системах, часто более тесному, чем наблюдаемое при демократии, но только достигаемому путём обмана и манипуляции массовым сознанием.

Мы видим здесь третий важнейший различительный признак проектируемой и существующей систем правления, связанный с доминантой управления в первом случае и власти — во втором. **Управление связано исключительно с интеллектуальными ресурсами** (включая непосредственно производные от них знания), **и в отличие от власти не требует никаких других**. Ресурсный аспект становится практически важным с переходом от идеальных типов к обсуждаемым системам правления, поскольку они (пусть в смягчённой или размытой форме) наследуют указанное различие. Для полноты картины важно заметить, что любые ресурсы становятся таковыми в результате работы интеллекта: когда создаются технологии их использования в деятельности¹¹. В этом смысле работа интеллекта — первоисточник любых и всяческих ресурсов, и очень характерно, что власть отличается от управления использованием именно «вторичных ресурсов». Причём это характерно не только для власти: все процессы производства, функционирования и воспроизводства обеспечиваются вторичными ресурсами, которые вырабатываются техниками и технологиями, порождаемыми в инновациях и развитии. Иначе говоря, стабильность жизни общества и страны поддерживается властью за счёт вторичных ресурсов, выработка которых обеспечивается ответственным за развитие управлением.

Итак, подчеркнём ещё раз: система Д/Д+ — наш проект, наш общественно-политический идеал. Властное правление — наша реальность, неотъемлемая часть жизненного мира подавляющего большинства людей на Земле. Что, заметим, вовсе не исключает использования рафинированных представлений такого рода в качестве идеала носителями иных политических позиций¹². Напомним, что наш идеал гораздо ближе к существующей договорной («Западной») системе правления, нежели к приказной («Восточной»). Тем не менее, не будем смешивать идеалы с тем, что мы имеем фактически. Дело здесь не только в принципе, но и в том, что система с доминантой управленческого начала ещё только складывается, и это исторический процесс, осознание, осмысление и артификацию («обискусствление») которого мы считаем своей (сверх)задачей, прежде всего по отношению к России.

Несмотря на всё сказанное, не исключено, что западная, договорная система правления может мыслиться как (или, с научной точки зрения, даже «представляет собой») некий промежуточный этап исторической эволюции между жёсткими приказными системами прошлого/настоящего и проектируемой системой Д/Д+. Так это или нет, покажет дальнейшая проработка темы. Пока допустим, что именно Россия в силу уникального, но пока не осмысленного исторического опыта, если на то будет «воля» её исторической рефлексии, окажется более других чувствительной к идеальному.

Чтобы застолбить на будущее различие проектируемой и реальной систем правления, ради краткости и за неимением лучшего используем для наименования реальной системы правления, противостоящей сконструированной нами идеальной системе Д/Д+, неологизм «управласть». Нетрудно догадаться, что если наш идеал начнёт когда-нибудь претворяться в жизнь, система Д/Д+ приобретёт столь же многообразные формы, какие имеет сейчас управласть.

* * *

Теперь мы можем восстановить и артикулировать общий замысел нашей работы. Напомним, каковы цели авторов. Если говорить не слишком серьёзно, но зато просто и коротко, наша цель — избавиться от начальников советского типа, на которых у нас, как у [Смехова

¹¹ Поэтому, например, распространённые представления о «природных ресурсах» осмыслены только для фиксированного исторического периода, когда мы располагаем определенным перечнем технологий использования того или иного материала в деятельности. Но вообще вопрос о ресурсах далеко не прост: см. об этом: Рац, Ойзерман, Слепцов 1996.

¹² Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним хотя бы «диктатуру пролетариата» или Третий рейх, где править должны были представители арийской расы.

1991], аллергия. Между тем в постсоветской России они размножаются ускоренно, а их определяющая особенность в свете наших построений видится в том, что, занимая начальственные кресла, они понятия не имеют об управлении (если, конечно, отличать его от «ручного управления») и способны только командовать¹³.

Если же говорить всерьёз, то предварительно скажем так: **в конечном счёте, имея в виду исторический процесс, мы хотим обеспечить необходимыми средствами мирную смену существующей в России (и широко распространённой в мире) приказной системы правления. Желательно, если и насколько это получится, минуя договорную (западную) систему, сразу — проектируемой¹⁴.** Для этого мы прорабатывали замысел такой организации человеческого общежития, которая обеспечивала бы людям возможность — насколько она вообще мыслима — сохранять автономию, т. е., свободно принимать решения о собственных действиях, сводя при этом к минимуму помехи, неизбежно создаваемые соседям.

Нужно сразу заметить, что у этой задачи есть как бы обратная сторона: нельзя забывать и о необходимости оградить это самое общежитие (конкретнее, скажем, — общество и государство) от чрезмерной активности новаторов, к примеру, хоть бы от таких, как мы, не говоря уже о более радикальных. В принципе, однако, эта задача давно решена, хотя полученное решение не эксплицировано, не сформулировано как таковое в явном виде. Оно состоит всего-навсего в том, что **любые новации в жизни общества могут осуществляться только в рамках действующих законов. Менять действующую систему законов можно, только следуя этой системе.** Формально сказанное выражено схемой процесс-механизм, которую мы приводили прошлый раз [Рац и Котельников 2014] на рис. 3. Реализация этого принципа связана с работой бюрократической системы, которую мы также имели случай обсудить ранее [Рац 2010б]. Поэтому не будем развивать эту тему подробнее.

Итак, для решения поставленной задачи на первом шаге мы считали нужным разработать в мысли и представить в тексте такую систему правления, которая позволяет свести к минимуму властные отношения господства/подчинения между людьми. Этот шаг мы сделали и предложили свою версию на обсуждение [Рац и Котельников 2014], теперь к ней нужно добавить введённые выше уточнения и дополнения. Мы полагаем также, повторим для ясности, что подобная система начинает формироваться в общественно-исторической практике эволюционным путём, но этот процесс нуждается в рефлексии, артикуляции и артификации. Напомним ещё, что мы не одиноки в этих своих замыслах: мы уже вспоминали статью [Шапиро 2012], одну из целого ряда работ, посвящённых вопросу о том, как избавиться от отношений господства/подчинения.

Однако даже, если иметь в виду только первый шаг, и понимать поставленную задачу как предварительную, она требует хотя бы самых кратких, тезисных пояснений. Во-первых, речь может идти только об авторской версии такого проекта. Во-вторых, упомянутый минимум властных отношений достаточно определён и категорически необходим для нормальной жизни общества: другое дело, что его нужно чётко прописать и неукоснительно соблюдать. В-третьих, мы ведём эту работу применительно к России и, в основном, с упором на так

¹³ При этом надо ещё иметь в виду общий фон, простирающийся даже в СМИ. Например, А.Г. Невзоров пишет: «страсть иметь начальника в России превалирует над всеми остальными категориями и состояниями» (<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1511842-echo/>). Ещё хлестче высказался Д. Ольшанский, анализируя фильм „Крым. Возвращение на Родину“: «...Первый принцип россияинства: начальство священно и неприкосновенно, историей движет только оно». «...Второй принцип россияинства: народ — это пассивный объект, требующий заботы и решений начальства» (<http://www.ng.ru/blogs/olshansky/film-krym-vozvrashchenie-na-rodinu-ili-kak-ustroeno-rossiyanstvo.php>)

¹⁴ Мы прекрасно понимаем все возникающие при этом негативные ассоциации и аллюзии, а потому подчёркиваем оборот *если и насколько это получится*. Избранный нами и охарактеризованный в предыдущей статье способ действий ровно противоположен большевистскому. Мы разделяем знаменитый тезис Маркса о необходимости изменять наш мир, но в отличие от его последователей делаем упор на вопрос «Как?» и отрицаем революционные методы и «социальную инженерию» вообще.

называемое государственное управление, хотя не видим никаких препятствий для распространения наших идей на другие страны и на сферу бизнеса. Просто это каждый раз — особая работа, кстати, уже начатая применительно к бизнесу как на Западе [Клок и Голдсмит 2004], так в России [Диспозиции 2011]¹⁵. В-четвёртых, мы не хотим ограничиваться «общим видом» предлагаемой системы, но планируем рассмотреть и её конкретное приложение в наиболее актуальной для нас инновационной политике (пока см. об этом [Рац 2012 и др.]).

Если учесть всё сказанное, у нашей работы может быть только один адресат: та часть интеллектуальной элиты, которая не удовлетворена сложившимся в России положением дел и порядком вещей. Мы считаем именно этих «неудовлетворенцев», по терминологии Акоффа, подлинными патриотами и заметим сразу, что это не имеет прямого отношения к их ориентации в сегодняшней так называемой политической действительности. Кто-то из них может быть либерал, а кто-то государственник, кто-то приветствует присоединение Крыма к России, а кто-то возражает, кто-то за Путина, кто-то против. Так что наша работа отнюдь не предназначена на роль идеологической платформы какой-то политической партии: мы боремся не за электорат, а за умы мыслящих людей независимо от их политической ориентации.

Последняя не столь важна: в конце концов, не бонапартисты и не роялисты определили судьбу Франции, да и всей Европы: это стало результатом трудов мыслителей эпохи Просвещения. Не Путин выстроил систему правления в России, система сформировала Путина¹⁶. Мы говорим о системе (здесь в политологическом, а не в методологическом понимании этого слова), и согласно сказанному нас интересует не столько, *что* делается в стране, сколько *как*. Сегодня делается одно, завтра — другое, а мы будем показывать, что то, *что* делается, определяется тем, *как*. *Как*, пользуясь привычным языком, принимаются решения, и *как* они реализуются: системообразующими являются ответы на эти вопросы, а не осточертевшие «за» и «против».

В связи с этим полезно ещё раз вспомнить [Фуко 1996: 323]. «Работа интеллектуала (как он говорит в другом месте, «разрушителя очевидности» — МР, СК) не в том, чтобы формировать политическую волю других, а в том, чтобы с помощью анализа... заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления...» «... Ясно, что суть проблем для них никак не изменилась бы при любом изменении правительства» [Там же: 392].

Что касается способа употребления нашей работы в целом сообществом её предполагаемых читателей, то, всё сделанное мы считаем лишь первым шагом из трёх на пути возможной реализации авторского замысла. Второй шаг предполагает обсуждение, критику и проблематизацию предлагаемого эскизного проекта с последующей его до- или переработкой. Лишь на третьем шаге целесообразен переход от нынешних намёток к реальной программе действий, ориентированных на движение не только мысли, но и общества в сторону принимаемых идеалов, которые могут далеко уйти от предлагаемых изначально здесь и теперь. Таким образом, пока мы предлагаем не ответ на классический вопрос «Что делать?» (в сегодняшней России), а материал для предварительного обсуждения, проработки и развёртывания этой темы.

Притом как намечаемые идеалы, так и возможные действия, направленные на движение в их сторону, мы понимаем только и исключительно как одно из возможных направлений политической мысли, развитие и реализация которой видятся в конку-

¹⁵ Интереснейший материал даёт, например, сопоставление способов работы С. Джобса и Т. Кука во главе компании «Apple».

¹⁶ Не следует, однако, недооценивать личностные особенности нашего президента. В свете всего сказанного (включая и высказанные ранее соображения о политике и управлении) понятно, что психологические особенности политиков не столь существенны в договорных системах правления, где решающую роль играют институты. Но роль политической психологии резко возрастает в системах приказных, где всё определяется вождями.

ренции с другими. Подчеркнём в связи с этим одно требование, которое мы предъявляем к самим себе в нашей проектно-аналитической работе. Собственно, это реализация уже упоминавшейся идеи парресии [Фуко 2008, 2011б], как требования интеллектуальной честности. Вопреки кажимости, это трудновыполнимое требование, удовлетворить которому можно посредством предельно возможной рефлексивности, с одной стороны, и максимального внимания к критике со стороны сторонников конкурирующих проектов и вообще инакомыслящих, с другой.

Коротко резюмируем сказанное применительно к вопросу о власти.

Во-первых, наши представления о власти принципиально отличаются от распространённых ныне, причём независимо от того, имеются ли в виду работы Ницше, Фуко, Лумана или де Жувенеля. Потому что отличие это возникает за счёт выполняемого впервые на понятийном уровне сопоставления властвования и управления. Иными словами, при всем уважении к названным (и не названным) мыслителям мы считаем, что в распространённых философских представлениях о власти власть и управление склеены воедино, но называются, по крайней мере, по-русски, одним словом «власть»¹⁷. Власть в этом случае следовало бы писать с прописной буквы (как это и предлагает делать Ю.С. Пивоваров — см. ниже). **Нас же интересует** власть со строчной — метафорически говоря, **то, что останется от Власти, если «вычесть» из неё управление**. Пока эта работа не сделана, в жизненном мире власть и управление существуют только потенциально в форме объединяющей их воедино управла-сти, а описываются чаще всего под общим именем власти.

Во-вторых, мы различаем власть и управление как средства нашей работы, с одной стороны, и конструируемые с их помощью различные системы правления — Д/Д+ и управласть, — с другой. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и сама власть, даже если не смешивать её с управлением и с управластью, оказывается очень непростым объектом. Поэтому пока уточним наши представления о власти как таковой.

3.4. Власть: ещё несколько предварительных соображений

В большинстве работ политологов, а тем более политиков, политтехнологов или публицистов последних десятилетий, когда речь заходит о власти, говорится о ней как о чем-то общеизвестном и не требующем пояснений. Чаще всего при этом имеется в виду власть как способность одних людей (мы сказали бы: как средство, позволяющее им) вынудить других делать то и так, как считают нужным первые. Напротив, из множества специальных работ, посвящённых власти, можно понять, что это ускользающая от анализа материя, попытки «ухватить» которую мыслью кончаются каждый раз по-своему. В итоге с учётом того, что та или иная трактовка власти может приобрести и политическое значение, распространена даже трактовка власти как «сущностно оспариваемого» понятия. Хотя в этом случае, на наш взгляд, следовало бы говорить не о *понятии* (которого тогда нет), а о *представлении*, приобретающем самые разнообразные содержательные наполнения в зависимости от ситуации и контекста обсуждения.

Понятно, что в нашем случае, обращаясь к представлению о власти в деятельностном контексте, в противопоставлении её управлению и в перспективе анализа ситуации в России второго десятилетия XXI в., мы можем получить ещё одну (121-ую) её трактовку. Пока на этом и успокоимся: пусть наши заинтересованные данным предметом коллеги решают, приемлемо ли для них наше представление, и где провести границы его осмысленного использования. Мы же воспользуемся случаем, чтобы не обсуждать бесконечные представления других авторов, заведомо далёких от нашего подхода, тем более что такой выборочный обзор

¹⁷ Есть, правда, и противоположные примеры, когда то же содержание обсуждается под именем управления, например [Прохоров, 2003], что само по себе показательно. Об особенностях русского слова «власть» в сравнении с лексикой европейских языков писал Е.Ф. Сабуров [2007].

сделан сравнительно недавно [Шайхутдиновым 2005]. Это отнюдь не обозначает пренебрежения работами предшественников, но обращаемся мы только к тем из них, которые необходимы для развития наших собственных представлений.

Итак, ранее мы квалифицировали власть как социальное отношение, а её проявления, — скажем теперь: властвование — как особую форму социокультурного поведения [Рац и Котельников 2014: п. 1.2]¹⁸. (Повторим, что относим эту квалификацию только к одному из типов власти, о которых речь пойдёт в следующем разделе статьи). В подобной квалификации наряду с описательным, констатирующим началом содержится и нормативная составляющая: мы считаем, что указанное положение дел с властью таким и должно быть. Далее в рамках деятельностного подхода, мы различили управление и власть функционально. В нашем проекте управление нацелено на перемены, в идеале это *управление развитием*, невозможное без мощных интеллектуальных вкладов, но одновременно предполагающее и поддержание стабильности. Власть ответственна именно за поддержание стабильности, *сохранение сложившейся системы функционирования*, для чего в простейшем случае достаточно не допускать перемен. Но это не всегда удаётся (и, очевидно, не всегда хорошо), а тогда и здесь возникает нужда в интеллектуальных вложениях.

В какой-то мере данные представления соответствуют реально сложившемуся разделению функций между ними, и в этой мере отдельно взятые власть и управление «в чистом виде» нежизнеспособны. Поэтому во всех известных системах правления они обычно неразрывно связаны друг с другом, образуя своего рода *симбиоз*. С учётом этого обстоятельства в нашем проекте власть встроена в определённое место системы правления в форме Д/Д, предусмотренное схемой лестницы (рис. 2) и таблицей 2 в опубликованной части нашей работы. Сейчас **мы** пошли бы и дальше, сказав, что в рамках указанных представлений **готовы называть властью силы**¹⁹, **ответственные за сохранение status quo, за поддержание функционирования в противоположность управлению, ориентированному на целенаправленные перемены, ответственному за развитие.** (Учитывая важность выделенного тезиса, сформулируем его ещё по-другому: в нашем проекте идеалом власти служит картина раз и навсегда упорядоченного и налаженного течения жизни, в то время как в качестве идеала управленца выступает постоянно меняющаяся своя форма организация, соответствующая поступательному развитию мышления и деятельности). При этом государство, согласно нашим представлениям, будучи важнейшей формой организации правления, выступает как особый институт, совмещающий несовместимое: оно призвано формировать политику и осуществлять управление, но одновременно обязано исполнять властные функции и поддерживать стабильность в масштабах страны.

Всё это может быть так, повторяем для ясности, в рамках деятельностного подхода и деятельностной картины мира. Однако фактически пока в нашей культуре господствуют синкретичные представления, которые ближе к натуралистической картине, обычно — и совершенно напрасно — именуемую научной²⁰. В таких условиях в роли государства уже не как института, а как квазиестественной мегамшины выступают власть имущие вместе с подвластными (здесь полезно вспомнить характеристику нашей политической ситуации, данную Г. Павловским). При этом явно или неявно господствует мысль, что посредством власти не только поддерживается, но и устанавливается порядок человеческого общежития. По существу это означает, что власть берет на себя все функции правления, которые оказываются все-

¹⁸ Это не такая радикальная точка зрения, как может показаться. Например, В. Макаренко [2010: 136] идёт дальше, утверждая, что «стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного, а не социального, творческого и духовного начала в человеке». В данном случае расхождение наших антропологических представлений не столь важно.

¹⁹ Использование имени власти для обозначения её (власти) держателей — в данном случае «сил» — распространено и удобно, так что воспользуемся и мы этой вольностью.

²⁰ С нашей точки зрения, здесь следовало бы говорить о *естественнонаучной* картине, но это отдельная тема, связанная с кардинальными различиями естественных и социально-гуманитарных наук.

объемлющими. Управление становится одной из них (ср. выше в п. 3.3 трактовку этого вопроса в учебнике Л. Сморгунова) и не просто «склеивается» с властью, а подчиняется ей. Это уже Власть с прописной буквы, Власть от Бога. Но, как мы не раз говорили, в ходе эволюции подспудно идёт процесс вытеснения натуралистических представлений деятельностными. Наша сверхзадача — артифицировать его в обсуждаемой предметной области.

Насчёт трактовки Власти с прописной буквы нужно ещё добавить, что в неё укладывается и распространённая «правоведческая» версия. Как говорит о ней, критикуя изложенные выше соображения, наш коллега В.Г. Марача (частное письмо), «власть устанавливает (право)порядок как систему норм, регулирующих общественные отношения, и поддерживает («охраняет») этот (право)порядок. А управление обеспечивает постановку целей и их достижение *в рамках данного* (право)порядка. Когда же цели признаются обществом столь важными, что для их достижения требуется изменения норм (право)порядка, управление действует в кооперации с властью...»

Нас эта версия не устраивает в двух отношениях. Во-первых, по-нашему, правопорядок разрабатывается управленцами, только его имплементация и легитимация происходят с участием власти. Мы говорили об этом сложном механизме ещё 20 лет назад²¹ и в прошлый раз приводили уже упоминавшуюся выше схему «процесс-механизм». Во-вторых, «кооперация управления с властью» для нас — плохая метафора: в нашем проекте речь идёт об их взаимоотношениях по схеме процесс-механизм и о нормоконтроле. Это достаточно определённо и конкретно. В иных случаях, как это сейчас обычно и происходит, верх берет субъектная власть, и мы имеем то, что имеем: Власть с прописной буквы, использующая управление в своих интересах, и никакой «кооперации».

Чтобы разобраться и уточнить, что же представляют собой упомянутые «силы» (ответственные за сохранение существующего порядка), естественно обратиться к их происхождению. Обсуждая такие фундаментальные образования как власть, важно различать гипотетические картины их «физического» становления, с одной стороны, и формирования наших представлений и понятий о них (шире: форм мыслимости) — с другой. Вообще говоря, делая такое различие, можно заметить, что в более или менее далёком прошлом вторые были связаны с осознанием первых. (Отсюда хрестоматийный тезис о бытии, определяющем сознание). И наоборот, чем ближе к нашему времени, тем чаще формы мыслимости опережают «жизнь»: «искусственная» составляющая начинает преобладать над «естественной». (Мышление, когда оно есть, определяет как бытие, так и сознание). В случае с властью, надо полагать, что как сама власть, так и самые ранние представления о ней появились в доисторические времена.

Насчёт этих представлений мы во многом согласны с С. Поповым [2005], хотя он-то говорит о возникновении самого феномена власти²². А именно, согласны с тем, что представление о власти связано с выделением некоего «всеобщего уровня недоступности», обеспечивающего воспроизводство сложившегося порядка человеческого общежития. Однако (добавим от себя) в массовом сознании власть оказывается при этом иррациональной, прямо как в романах Кафки или в философии Лао-Цзы («Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует»: знать что-либо большее не положено). Здесь для сравнения

²¹ В книге, с которой начиналась разработка нашего нынешнего проекта, но которая сильно устарела, почему мы и не включаем её в библиографию: Рац М. Политика развития. М., 1995.

²² Мы отправляемся от статьи С. Попова, а не от монографии Р. Шайхутдинова, во многом следующего за Поповым, поскольку Попова можно понимать так, что он обсуждает власть как таковую. (Хотя это и не факт: возможно, он говорит о той склейке, которую мы назвали правлением). Шайхутдинова так понимать нельзя: полагая управление функцией власти, он в этом вопросе вполне традиционен. Книгу Шайхутдинова один из авторов обсуждал специально и излишне подробно (http://berezkin.info/?page_id=433). Но десять лет прошли недаром, и сейчас мы сказали бы просто, что в принципе нашу работу можно рассматривать как альтернативу «Охоте на власть». Шайхутдинов охотился за внеположной, предзаданной ему властью, нам же охотиться не за чем: система управления и Д/Д+ нам не дана, её выращивать надо, и власть в этом деле не помощник.

важно сразу заметить, что управление (в понимании Щедровицкого и в нашем) ничего подобного не предполагает.

Наверное, такая трактовка власти С. Поповым неслучайна: историки [Пивоваров 2004 и др.] и культурологи говорят, что представление об иррациональности власти в Новое время характерно именно для русской культуры. «Власть в России носит сакральный характер, и это достаточно очевидно. Власть есть высшее выражение идеи иерархии. Она не подконтрольна обществу, лежит над законом, не познаваема и т. д.» [Яковенко 2007]. Согласны с этим и наши идеологические противники: «Когда власть в России теряет свой сакральный характер, то государство стремительно рушится», пишет С.В. Лебедев [цит. по статье: Янов 2015]. Но о власти в России нам ещё предстоит специальный разговор.

По Попову, «власть начинает строиться, когда в организации общества выделяются такие уровни недоступности». Имея в виду доисторические времена, мы говорили бы о сознании людей, а не об обществе и его организации. Когда бараны сбиваются в стадо или птицы — в стаю, это не следует называть организацией. Организация в нашем понимании — не проявление инстинктов, а определённый тип М-деятельности (и её продукт), если говорить об обществе, достаточно поздний. Но далее вполне правдоподобно, что «власть начинает разрушаться, когда возникает рефлексия относительно существующего порядка. Вдруг оказывается что то, что раньше было за пределами человеческих возможностей (т. е., было прерогативой власти — МР, СК), могут делать уже многие».

Говоря уже о нашем времени и нашем мышлении, а не о сознании доисторического человека, мы солидарны с общей принципиальной установкой Попова (а вслед за ним и Р. Шайхутдинова) на «освоение» власти в смысле выработки технических способов работы с нею. Эта позиция, однако, требует развёртывания. Если понимать власть означенным выше образом, то её освоение, непременно связанное с «рефлексией относительно существующего порядка», парадоксальным образом разрушит власть. Если, однако, говорить не о власти, а о правлении и его системах, то техническое отношение к ним требует в первую очередь, различения и разведения власти и управления, и неизбежной при этом рационализации власти. Здесь нужны дополнительные пояснения.

Первое. Мы различаем искусственно-техническое отношение к наличной системе правления, которое привычно для граждан цивилизованных стран в форме политической борьбы оппозиции за власть, и аналогичное отношение к власти как таковой, к власти по понятию, о котором впервые, кажется, заговорил С. Попов. Это ровно то, что занимает нас в настоящей работе: можно ли, прежде всего, и, если да, то как, свести к минимуму отношения господства/подчинения, присущие субъектной власти в любом её изводе, везде, где она есть независимо от конкретных форм правления? Это вопрос «большой», или порождающей политики, по Б. Капустину, в отличие от первого случая, где мы имеем дело с политикой «малой», или порождённой. Большая политика «создаёт те „правила игры“, которые служат форматом (точнее, рамками — М.Р., С.К.) малой политики». При этом она «относится к „малой“ так же, как спиновозовская *natura naturans* (природа порождающая) к *natura naturata* (природа порождённая)» [Капустин 2004: 15].

Второе. Если считать, что Попов говорит именно о власти, а не о правлении, то, имея в виду наше намеченное выше представление о власти, мы не можем согласиться с тем, что власть создаёт человека и человеческое. (Если же говорить о синкретическом правлении, к этому нужно ещё много чего добавить). Мы сильно сомневаемся в креативных способностях власти и полагаем, что, если она что и создаёт, то это только властная иерархия. А, если к тому же вспомнить табл.1 в первой части нашей работы, то ещё социальность и социального индивида, воспроизводство которых и оказывается её основной функцией. Человек же для нас немыслим без личностного, М-деятельностного начала. Поскольку мышление человека посредством деятельности преобразует мир, тогда как сознание индивида только отражает его и обеспечивает приспособление к нему, в том числе к господствующей власти. Именно

как носитель мышления и деятельности человек становится личностью, и с осознанием этих фактов связан следующий (ещё не завершившийся) этап эволюции *homo sapiens*, переходящей в управляемое развитие, в принципе не имеющее конца. (Разумеется, речь идёт только о наших представлениях, и мы были бы рады услышать иные точки зрения).

Со сказанным сопряжена третья оговорка. В формировании технического отношения к власти и управлению (т. е., в большой политике, по Капустину) мы видим проявление соответствующей идее развития тенденции артификации, обскуствления нашего мира и нас самих. А знаменитое веберовское расколдовывание мира, рационализация наших представлений о нем оказывается тогда лишь средством артификации.

Посмотрим, что происходит, с этой точки зрения, с властью и управлением, имея в виду, что второе «физически» может быть, не намного моложе власти, но рефлексироваться начало неизмеримо позже. По историческим масштабам времени процессы рефлексии и осмысления управленческой деятельности развёртываются, можно сказать, в наши дни (условно говоря, на протяжении XIX–XXI веков) в связи с вытеснением наивно-натуралистических представлений деятельностью. Здесь и теперь, в нашей работе эти процессы начинают менять и сложившиеся ранее представления о власти.

Пока в рамках массовых представлений в отличие от рационального и имеющего вполне земное происхождение управления власть сакральна, сверхъестественна, иррациональна²³. Власть основывается на вере, управление — на рефлексии и (полипредметном) знании. Управление обслуживает власть, бытующую преимущественно в субъектных формах господства суверена. В противоположность всему этому в новой, только ещё формирующейся картине управление (Д/Д+) объёмлет и формирует бессубъектную власть закона. Но это опять же не более чем наша точка зрения: это нам кажется, что новая система правления постепенно вытесняет старую эволюционным путём, и мы, артифицируя эти процессы, выстраиваем проект Д/Д+. Вообще же на фоне «расколдовывания» и рационализации нашего мира многовековая история представлений о власти кажется необычной: эти представления с трудом поддаются рационализации, и понятие власти уже в наше время неслучайно объявляется «сущностно оспариваемым».

По-видимому, в первую очередь, этот необычный феномен объясняется представлением о божественном происхождении власти, породившем, кажется неотъемлемую от неё сакральность. Но здесь важно различать «вид на власть» со стороны массы подвластных и со стороны управленцев, желающих эту власть использовать. Для первых сакральность власти естественна, и соответствующие ритуалы (парады, смена караула, клятвы на конституции и т. п.) их впечатляют. Для вторых сакральность неприемлема, и ритуалы лишь раздражают их. Для них (и для нас, в частности) сакральность и заколдованность в сфере политики и политического суть проявления политехнологий, либо недомыслия²⁴, от которых желательно избавляться: сакральность объекта и искусственно-техническое отношение к нему несовместимы. В связи с этим важно, что сакральность как неотъемлемая характеристика власти, а по сопричастности к ней и государства, характерна преимущественно для России и других восточных автократий. На Западе это, скорее, — «уходящая натура». И очень симптоматично, что власть имущие на Востоке подыгрывают отношению к себе как к небожителям, а на Западе, напротив, человеческая «обыкновенность» первых лиц привычна и принимается как должное.

В последние годы и, особенно, в 2014 г. ситуация в России усугубилась. На историческом фоне расколдовывания мира интенсифицировались ровно противоположные процессы, на которые указывает Э. Паин [2015]. Текущая политика государства, направленная на консо-

²³ «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога». Послание к Римлянам святого апостола Павла. Глава 13.

²⁴ Для нас это всё явления исключительно психологические. Мы говорили бы даже о своего рода принципе дополнительности мыследеятельностной и психологической парадигм. Возможно, однако, что в жизни между подведомственными им феноменами есть некий зазор...

лидацию населения вокруг вождя на основе памятной старшему поколению идеологии осаждённой крепости и посредством мобилизации на борьбу с врагом, может быть и бессознательно, но приводит к подавлению рациональности. Паин точно фиксирует «сжатие мирского и гигантское распространение зоны сакрального, само обсуждение которого кощунственно». Явление, которое О. Кашин поименовал «тотальной сакральностью». И здесь полезно вспомнить предостережение А. Миллера [2015]: «Всегда очень опасно, когда к чему-то начинают относиться как к сакральной ценности — именно тогда начинаются всякие неприятные, мракобесные вещи, и это мы сейчас хорошо видим».

Но это про массовое сознание. Если же иметь в виду интеллектуальную элиту общества, наряду со всем сказанным рационализации представлений о власти мешает «склейка» власти с управлением, в результате которой «Власть» по существу не поддаётся рационализации и остаётся своего рода «загадкой природы». Если и когда власть и управление всё же обсуждаются в паре как разные сущности, возникают упоминавшиеся несовместимые представления об управлении как функции власти, либо, наоборот — о власти как инструменте управления. Разумеется, философско-политическая мысль не проходила мимо этого тёмного места, но возникающие здесь вопросы со времён Платона и Аристотеля рассматривались и рассматриваются в совершенно другом ключе, а именно как связанные с различными типами синкретически трактуемой власти и соответствующими системами правления — монархией, демократией и т. д. Различение власти и управления тонуло и тонет в рассуждениях о политических режимах.

Возвращаясь к основной линии нашего рассуждения, можно заметить, что **властью по большей части называли и называют сложную констелляцию её с управлением, разборку которой мы теперь начали**. Возможно, редким исключением можно считать цитированную работу Попова, если понимать её как сфокусированную на происхождении власти «в чистом виде». Но, как бы её ни понимать, вопрос о соотношении власти с управлением им не ставится. Другим и бесспорным исключением является статья нашего коллеги В. Никитаева [2004], в которой вопрос о соотношении власти и управления ставится прямо. Однако ставится он скорее в естественной, научно-исследовательской модальности, а его трактовка Никитаевым кажется нам несовместимой с концепцией Щедровицкого, которой мы, как и автор статьи, руководствуемся (разумеется, в своем понимании). А именно, Никитаев рассматривает властные отношения как *условие* управления. Попросту, с его точки зрения, не имея власти, нечего и говорить об управлении.

Мы исходим из иных представлений: «чтобы управлять, не обязательно быть начальником, достаточно быть просто умным и знающим» [Щедровицкий 2003: 171]. Управление в отличие от власти не предполагает иерархии и «вертикали». Кроме того, мы уже говорили, что приписываем власти и управлению разные функции: первая ответственна за поддержание стабильности, второе — за развитие. И тогда отношения господства-подчинения можно жёстко локализовать. Если же думать о возможных способах смены господствующих форм правления, в частности, государственной власти, с этой точки зрения тезис Никитаева может служить обоснованием силовых методов смены власти, которых мы хотим избежать. Наши соображения опубликованы в рамках дискуссии по работе Никитаева в статье одного из авторов [Рац 2006], поэтому здесь мы не будем говорить об этом подробнее. Вернёмся к обсуждаемой ситуации в целом.

Попробуем разобраться, что же имел в виду Г. Щедровицкий, когда в отличие о Попова говорил, что «в человеческом обществе всегда были отношения господства и подчинения», когда «одни люди узурпируют власть, присваивают её себе, отнимая у других» [Щедровицкий 2003: 278]. В самом общем виде мы понимаем Щедровицкого так, что предложенная им схема управления как раз и реализует позднейшую мысль Попова об освоении власти и искусственно-техническом отношении к ней. Именно **в рамках управления, в системе Д/Д**

власть из самодовлеющей сакральной сущности превращается в средство правления, рациональной регуляции человеческого общежития.

Надо заметить, что Щедровицкий по условиям времени не мог сколько-нибудь развернуто говорить о власти, а тем более об искусственно-техническом отношении к ней (он упоминает о власти, походя, в лекциях об управлении). Но, на наш взгляд, сама по себе эта фиксация содержит неявный ответ на поставленный вопрос. Тем более что в личной беседе (с М. Рацем) он прямо говорил о власти как социальном отношении, противопоставляя её управлению как мыследеятельности особого типа. Мы полагаем, что он имел в виду именно внешние, социальные ограничения, накладываемые любой властью на М-деятельность и, более конкретно, ограничения, порождаемые отношениями господства/подчинения между людьми. Такая фокусировка была, надо думать, вполне сознательной — сообразно нормативному (в методологии) требованию к самоопределению и целеполаганию в конкретной социокультурной ситуации в отличие от философских рассуждений «вообще».

3.5. К понятию и типологии власти

3.5.1. Власти субъектная и бессубъектная. Сказанное заставляет внимательнее отнестись к феномену власти. Выясняется, что власть как социальное отношение, о котором мы говорили до сих пор, как отношения господства/подчинения, против которых выступал Щедровицкий и многие другие на Западе (библиография в статье [Шапиро 2012]), не исчерпывают всего многообразия её проявлений и наших представлений о ней. На первый план выходит уже упоминавшееся различие: **наряду с субъектной властью, проявляющейся в форме господства/подчинения, следует рассматривать бессубъектную власть, наиболее известную в форме власти законов (а так же традиции, языка и т. п.)**²⁵. И, хотя Попов не пользуется этим различием, создаётся впечатление, что его конструкция относится скорее к бессубъектной власти. Он, правда, вводит идею «инстанций власти» как посредников, обеспечивающих доступ к «всеобщему уровню недоступности», но эти посредники у него так же бессубъектны, как и сама власть.

Здесь, на наш взгляд, точка бифуркации. Как говорит Ю.С. Пивоваров [2014: 35], «...загадка власти заключается в конфликте между физической природой персонификатора власти и её метафизической природой как власти». «Метафизическая природа», конечно, не синоним «уровня недоступности», но, учитывая различие мыслительной стратегии и лексики Попова и Пивоварова, можно думать, что речь всё же идёт об одном и том же.

Итак, есть два совершенно разных толкования «власти», которые впрямую несовместимы друг с другом, но нет оснований и для того, чтобы отбросить одно из них. Остаётся переинтерпретировать выделенные представления о власти, квалифицировать их как *типы власти* и объединить оба типа в едином понятии. Тем более что истоки обоих прослеживаются с древнейших времён. С одной стороны, правители уже в рамках традиционной культуры мыслились как подчинённые высшему закону. С другой, ещё Платон (б/г) писал, что «...законодательство — это часть царского искусства; однако прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом». В субъективированной форме мыслилась власть и в древнем Китае: «Власть — это то, чем распоряжается один правитель» [Книга правителя... 1993: 196]. Пример соединения двух представлений — христианская традиция,

²⁵ В. Никитаев [2004] говорит о них соответственно как о власти воли и власти формы. Сходные (но не более того) различия известны и в политологии, где говорят о власти индивидуализированной и институционализированной или о концепциях атрибутивно-реляционистских и системных. Бессубъектную власть в нашем понимании не следует смешивать с идеей бессубъектности и вездесущности власти Фуко [1996: 192–193, 366], у которого речь идет о пространственном распределении отношений власти/подчинения. В нашей системе представлений это распределение относится к системам правления, а не собственно власти.

в рамках которой обсуждались власть земная, принадлежащая начальникам (потестас), и власть божья, репрезентируемая церковью (аукторитас).

В Европе бессубъектная власть (прежде всего, власть закона) в обществе формировалась эволюционным путём и параллельно рефлексировалась юристами как минимум, со времён папской революции [Берман 1994]. По мере секуляризации западного общества идея божественного происхождения власти уходила в прошлое, оставляя за собой в массовом сознании шлейф сакральности. В рамках господствующих синкретических представлений именно как бессубъектная (государственная) власть она обсуждалась в 1970-е гг. в работах Бюрдо, Дюверже [см. об этом: Пивоваров 2006: 120–121], а также Фуко. Хотя, с рациональной точки зрения, власть закона — представление из деятельностного подхода: в отличие от архаической субъектной власти нам трудно помыслить её иначе, чем организованность деятельности.

Здесь самое время вспомнить о проблематичном статусе «власти» в отличие от властвования, а котором шла речь в п. 3.3. Тогда, если говорить о политической власти и иметь в виду российскую «властечентричность», получается странная вещь. **За словом «власть» вырисовывается особого рода «кентавр» — склейка двух разнокатегориальных образований: естественная (Е) субъектная власть и искусственная (И) бессубъектная власть.** Мы говорим о естественности субъектной власти в принципе (а не о конкретных её формах), имея в виду неотъемлемую от неё структуру властной иерархии и места на её вершинах, как бы забронированные для власти имущих. Для субъектной власти принципиально, что власть в отличие от управления принадлежит месту, занимаемому той или иной персоной. Отсюда бывшая «борьба за трон» или нынешняя «предвыборная борьба»: и то, и другое — борьба за место. Метафорически та же мысль выражается словами: «сущность власти — в „погонах“». В этом смысле название *субъектной* власти условно (отнодь не погоны делают человека субъектом: об этом мы поговорим чуть дальше). Носитель бессубъектной власти — закон, напротив, разрабатывается и принимается людьми, оказываясь типичным продуктом творческой деятельности. Сообразно закону происходит и наполнение властных мест на вершинах — выборы, по идее тоже представляющие собой осмысленную деятельность. Получается, что **наш кентавр может существовать только в рамках определённого рода систем правления, тех именно, которые мы объединили под именем управласти.**

В массовом сознании субъектность власти благодаря её (власти) сакрализации прекрасно уживается с недоступностью (когда-то власть принадлежала помазаннику божьему, а в современном варианте принадлежит вождю, фюреру, национальному лидеру). Такое решение устанавливает также симметрию между представлениями о власти и свободе, в которой выделяются позитивная и негативная трактовки: свобода *для* и свобода *от* [Берлин 1997: 122–186]. Это представление имеет длинную предысторию и на сегодняшний день завершилось блестящей формулировкой «свободы слуг» (которым добрый хозяин может и не мешать делать их личные дела) в противоположность свободе граждан, участвующих в управлении государством [Вилори 2014]. Понятно, что «свободу слуг» имеют подвластные вождям разного рода, а свободу граждан(ам) даёт бессубъектная власть закона.²⁶

Коренные дефекты субъектной власти давно известны. Не политический мыслитель, а Д. Фонвизин писал: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан» (цит. по книге [Харходин 2002: 186]). К этому надо добавить, что в рамках неограниченной законом, абсолютной субъектной власти (в отличие от реальных систем управласти) «произвол» является единственным возможным способом действий. Поэтому, независимо от того, будет ли царь добрым или злым (тогда говорят о злоупотреблении вла-

²⁶ Д.С. Милль [1982: 225] полтора века назад писал: «Всякое расширение правительственной деятельности имеет то последствие, что... увеличивает число людей, возлагающих на правительство свои надежды и опасения, превращает деятельных и честолобивых членов общества в простых слуг правительства»

стью), «чистая» субъектная власть — просто по своей идее — должна представляться как своего рода «онтологическое зло».

Забегая вперёд, по этому поводу можно заметить, что субъектная власть, будучи злом сама по себе, создаёт условия для злоупотребления ею в рамках управлени. Например, явно и ярко субъективированная власть Н. Хрущева (она получила даже официальное наименование «волюнтаризма») привела не только к десакрализации фигуры «вождя народов» и к освобождению множества невинно осуждённых, но так же к Карибскому кризису и к известным эксцессам в отношении искусства, церкви и т. д. Более рафинированные, полярные примеры — правление Пол Пота в Камбодже или Ли Кван Ю в Сингапуре.

Применительно к субъектной власти известен вопрос о том, чем обеспечивается согласие подвластных на подчинение властям предержавшим [Льюкс, 2010]. Поскольку этот вопрос ставится без учёта различия власти и управления, приходится относить его к системе правления. Соответственно мы обсудим его на материале истории. Здесь же уточним лишь свои прошлогодние соображения о двух режимах [Рац и Котельников 2014: 197]: режиме свободного самоопределения управляемых и вынужденного подчинения подвластных.

1. Режим свободного самоопределения в рамках политической, организационной и управленческой надстроек. Это режим существования автономной человеческой личности. Такой режим характерен, например, для сознательного ученика в его отношениях с учителем, для солдата, сознательно участвующего в защите своей страны или строителя, который строит храм, а не просто таскает камни, как в известной притче. (Привычное слово «сознательный» эквивалентно здесь «рефлексивному»).

2. Режим вынужденного подчинения принятому «сверху» решению, которое делает излишним и бесполезным анализ ситуации и самоопределение, исключает свободу выбора подвластного. Его деятельность вырождается в поведение, соответствующее навязываемым ему решением, что было типично для рабов или крепостных, а в наше время характерно для «таскающих камни» бизнесменов, рабочих и (гос)служащих или приговорённых судом преступников.

Ровно в этом месте была и остаётся по сию пору главная, с нашей точки зрения, болевая точка человеческого общежития, которая определяется возможностью/невозможностью свободного самоопределения «маленького человека». (Неслучайно «маленький человек» стал одним из важнейших персонажей классической русской литературы). Властное правление, по существу, лишает его этой возможности, причём здесь дело не столько в квалификации властного правления как поведения, сколько в том, что оно надстраивается не над деятельностью, а над подневольным поведением исполнителей. Система у-правления, Д/Д, по идее, напротив, это самоопределение обеспечивает. Что и стимулирует нашу работу, но от означенной «идеи» до её возможной реализации предстоит пройти ещё длинный и трудный путь.

Тема субъективации/десубъективации власти тесно связана с различием возможных изменений характера власти в границах жизненного цикла конкретных властных систем и в ходе эволюции власти на протяжении всеобщей истории. С первым среди прочего сопряжён известный феномен цикличности истории. Что касается второго, начиная со Средних веков, а особенно на протяжении истории Нового времени (пока преимущественно европейской) наблюдается отчётливый тренд десубъективации власти. Обычно он описывается как возрастание роли права и (позднее) как «наступление демократии», его глубинный смысл мы видим в переходе от «естественного государства» к порядку открытого доступа, в вытеснении субъектной власти парой *власть закона — управление*.

Хотя об истории нам предстоит специальный разговор, здесь нужно всё же пояснить, как мы представляем себе механизм этого вытеснения. Мы уже не раз, ссылаясь на Г. Бермана [1994], говорили о формировании европейского права и становлении бессубъектной власти закона как бы «поверх» власти суверена. Будучи ограниченной и стеснённой в своих действиях правом субъектная власть постепенно превращается/преобразуется в управление. Но

процесс далёк от завершения (если таковое вообще мыслимо), и пока они сосуществуют даже на Западе. Что уж говорить о России, где господство права так и не установилось, а потому традиционно синкретичная Власть (она же управласть), на корню пожирает возникающее местами, но так и не успевающее институционализироваться управление. Как замечает Берман [1994: 512], капиталистическое предприятие «не может действовать без правовых гарантий». Но точно также нереализуема в таких условиях и устойчивая система управления.

* * *

Вместе с отмеченной общей тенденцией десубъективации власти в тоталитарных диктатурах второй четверти XX века (сталинизме и гитлеризме) выражается другая, противоположенная тенденция, зафиксированная Ортегой-и-Гассетом (1997) в его знаменитом «Восстании масс». (Ссылаясь на Ортегу, особо подчёркиваем принципиальное сходство тогдашней социокультурной ситуации с российским относительно мягким путинизмом нашего времени). Массы Ортеги — не что иное, как множество социальных индивидов, лишённых личностного, мыследеятельностного начала. Массовый человек в наших терминах — оторванный от своих корней социальный индивид, неспособный к самоорганизации. Действительно, испанский философ пишет: «Масса — это те, кто плывёт по течению и лишён ориентиров. Поэтому массовый человек не созидает, даже если возможности и силы его огромны. И как раз этот человек сегодня решает».

Одно из принимаемых им важнейших решений — запрет инакомыслия, когда-то прямо декларировавшийся («кто не с нами, тот против нас»), теперь чаще камуфлируемый, но в сущности, неотъемлемый от этой системы. «У власти — представители масс. Они настолько всесильны, что свели на нет саму возможность оппозиции. Они бесспорные хозяева страны... Но они не распахнуты будущему, не представляют его ясно и открыто, не кладут начало чему-то новому, уже различимому в перспективе. Словом, они живут без жизненной программы. Не знают, куда идут, потому что не идут никуда, не выбирая и не прокладывая дорог... Недаром само их правление сводится к тому, чтобы выпутываться, не решая проблем, а всеми способами уваливая от них и тем самым рискуя сделать их неразрешимыми».

«Вожди», в частности те, от имён которых произведены упоминавшиеся выше «измы», — порождение, плоть и кровь восставших масс, и одновременно в разной степени злобные игрушки в их руках. Отсюда, кстати, вполне искренняя народная любовь к «вождям» и их фантастические рейтинги. Ведь человек толпы с их (вождей) помощью, поскольку они его плоть и кровь, может «чувствовать себя свободным от всякого подчинения высшему» (Ортега-и-Гассет), т. е. наслаждаться свободой слуг, избегая гражданской свободы, связанной с нею ответственности и порождаемых ею проблем. Таким образом, здесь реализуется идея «бегства от свободы», о котором писал младший современник Ортеги Э. Фромм [1990]²⁷. Похоже, что в тенденциях «восстания масс» и субъективации власти, с одной стороны, десубъективации власти и вытеснения её управлением, с другой, проявляются — насколько это возможно, в чистоте своей — две изначально выделенные нами формы проявления человека: СК-поведение и М-деятельность [Рац и Котельников 2014]²⁸.

Трактовка субъектной и бессубъектной власти как двух её типов вызывает к жизни вопрос о границе, разделяющей их не во времени или пространстве, а по понятию. Субъективация власти вовсе не сводится к её узурпации одним персонажем типа Кромвеля, Наполеона или Сталина. Субъект может быть и коллективным, а в современных государствах эту роль играет правительство, как бы размывающее границу между субъектной и бессубъектной вла-

²⁷ Кстати, сакральность власти можно достаточно рационально объяснить как оборотную сторону этого бегства от свободы — под власть... Власть закона, между прочим, никакой сакральности не предполагает.

²⁸ Наша М-деятельность — не синоним мыследеятельности Г.П. Щедровицкого [1995]. Вторая предполагает организацию основных интеллектуальных функций по определённой схеме, первая же — только мыслительное обеспечение деятельности.

стью. Дело здесь, конечно, не в формальном коллективизме, а в механизмах реального принятия и реализации решений, т. е. опять же в связях власти с управлением. В современных западных странах власть бессубъектна, в то время как коллективность Конвента времён Французской революции или ЦК РСДРП — РКП(б) при Ленине (как и Политбюро брежневских времён) не мешала субъектности власти. Здесь в пору вспомнить Аристотеля с его — всегда актуальным для России — выделением типов правления в зависимости от того, кто пользуется даваемыми им благами.

Более того, хорошо известен феномен власти даже не коллективных, а массовых субъектов: толпы, нации, класса, корпорации, Вороньей слободки (у Ильфа и Петрова). Как мы уже говорили прошлый раз, определяющей чертой субъектной власти служит не столько характеристика властвующих, сколько ограничения свободы подвластных редуция их деятельности к поведению. Теперь можем добавить: и «*приватизация субъектности*» властью (эта формула принадлежит А. Большунову). В таком смысле диктат большинства по отношению к меньшинствам вовсе не удивителен. Короче говоря, субъективация власти вовсе необязательно осуществляется в форме её персонификации, а десубъективация — в форме «коллективизации».

По совокупности сказанного в этом разделе должно быть понятно, во-первых, почему Щедровицкий, живя в СССР, делал упор на субъектную власть, а Попов в постсоветской России (NB: в начале нулевых годов, ещё до оформления путинизма как исторического феномена) сфокусировался на бессубъектной. Во-вторых, понятно, что, имея в виду наличные системы правления, мы примем альтернативную, «третью» точку зрения, объединяя оба типа в едином понятии власти. Конечно, такое решение связано со своими проблемами, прежде всего, напоминая о проблематичности самого понятия «субъект», теряющего определённость в отрыве от «объекта». Но эта проблема выходит далеко за рамки нашей темы, и мы не будем её здесь обсуждать.

Среди прочего можно также заметить, что вводя идею субъективации/ десубъективации власти, мы тем самым решаем (хотя, может быть, только для себя) вопрос, поставленный, но так и не решенный М. Фуко. В дискуссии с лаканистами он отвечал на тезис о том, «что принцип бессубъектности порождает серьёзные трудности и не позволяет уклониться от вопроса о субъекте или, скорее, субъектах», так: «Конечно же, это-то меня и беспокоит. И я не очень понимаю, как из этого выбраться» [Фуко 1996: 367].

Наконец, подчеркнём, что всем сказанным о субъективации/десубъективации власти мы лишь открываем эту тему для дальнейшего обсуждения. Здесь нужно вспомнить о том, что изначально мы вводили представление о власти/властвовании как феномене поведенческой (в отличие от деятельностной) природы. Но введённые выше представления о субъективации и субъектной власти порождают в связи с этим некоторый дискомфорт, вызываемый многозначностью слова «субъект». Действительно, представление о субъекте (действия) вроде бы относятся к числу М-деятельностных. Если речь идёт об индивидуальном субъекте, то это никак не социальный индивид, а обязательно личность. Но, с другой стороны, в выражении «правосубъектность», например, ничего подобного не предполагается. Всё же, может быть, лучше было бы говорить не о субъектной, а о квазисубъектной или персонифицированной власти. Но дело, конечно, не в названии: это уж, как сложится.

Дальше мы должны сослаться на коллегу А.Я. Большунова (с разрешения автора мы приводим его соображения из частного письма). С его точки зрения, **власть имущие «...властью возмещают недостаток [своей] субъектности. В этом, собственно, и состоит „смысл и функция власти“ в управлении».** (Здесь и далее речь идёт о субъектности в первом из указанных выше значений). «Всем человеческим проблемам с государством мы обязаны приватизации субъектности и последующей экспансии этой приватизированной субъектности. С приватизацией субъектности и присвоения для удержания этой приватизации власти, госу-

дарство утрачивает аристотелевский характер «рода общения», из общения трансформируется в насилие».

«Субъектность для меня антипод власти (в этом смысле я и говорю, что властью возмещают недостаток субъектности) <...> «Приватизация субъектности, которая оказываясь в собственности у тех, кто к субъектности не способен, оборачивается властью (как „фармаконом“ субъектности»²⁹. Иными словами, **квасисубъектная, персонифицированная власть уничтожает подлинную субъектность, личностно-мыслительное, собственно человеческое начало не только подвластных** (о чем мы не раз писали), **но и власть имущих**. Чистая социальность (в смысле табл. 1 из первой части нашей работы) — идеал и среда обитания квасисубъектной власти, о чем, собственно, и говорил в свое время Г.П. Щедровицкий.

Стоит заметить, что во всем этом нет большой новости. Насчёт подвластных ещё Д.С. Милль [1982: 225]. () писал, что всякое расширение правительственной деятельности «увеличивает число людей, возлагающих на правительство свои надежды и опасения, превращает деятельных и честолюбивых членов общества в простых слуг правительства». Что же касается власть имущих, на ум приходит часто цитируемое суждение лорда Актона [1992]: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Но важнее другое его замечание насчёт того, что «обладание неограниченной властью... *лишает способности отчётливо мыслить*» (курсив наш — М.Р., С.К.).

Последние соображения заставляют предполагать, что играющие положительную роль в истории обладатели власти вроде нашего Александра II или Ли Кван Ю в Сингапуре представляют собой скорее исключения, чем правило.

3.5.2. Власть внешняя и внутренняя. Всё сказанное актуализирует задачу дальнейшей типологизации власти. Но тема эта настолько объёмна, что, продолжая ее, мы можем здесь лишь наметить некоторые пути обсуждения, и, разумеется, только в интересующем нас плане. А именно, в плане технического освоения власти, использования её для общего блага, например так, как это предполагается в системе Д/Д+.

Напомним, что по нашим представлениям управляют деятельностью, а властвуют над (другими) людьми. (Мы считаем очевидным, что слово «властвование» и его производные относятся только к субъектной власти). При этом как управленцы, так и управляемые осуществляют М-деятельность, в то время как властвующие и подвластные, как социальные индивиды, живут в мире СК-поведения. Поэтому важным должно быть различие *внешней* и *внутренней* по отношению к этим индивидам власти. Обе эти формы достаточно известны, но нам не встречалось их прямое сопоставление. Во избежание недоразумений надо сразу (пусть и чуть в сторону) заметить, что применительно к управлению понятия внешнего и внутреннего не работают. Поэтому такие выражения как внешнее управление или самоуправление являются данью склейки управления с властью. То же, по-видимому, можно сказать о понятии суверенитета. Но все эти вопросы требуют, конечно, специальной проработки.

Имея в виду бессубъектную власть, мы говорим о *внешней* власти социальной реальности, господствующих представлений, культурных норм, традиций и наиболее известной в этом ряду власти закона (об этой последней мы ещё поговорим специально). Бессубъектная *внутренняя* власть — это гораздо хуже рефлектируемая или нерефлектируемая вовсе, а потому более опасная власть менталитета³⁰, убеждений, идеологий, интериоризованной картины

²⁹ Фармакон — термин Деррида. Это средство, призванное возместить какой-то недостаток и в некотором роде возмещающее его, но наносящее непоправимый ущерб тому, недостаток чего был возмещён. Скажем, мы возмещаем недостаток скорости счета использованием калькулятора, а в результате вообще утрачиваем способность к устному счёту. Власть является таким фармаконом в отношении субъектности.

³⁰ Менталитет — слово, сколь часто употребляемое, столь и неопределённое по своему значению. Мы здесь имеем в виду господствующий стиль умозаключений, замещающих мышление. Примерно то же, что Ортега называл «массовым мышлением»: «это мышление тех, у кого на любой вопрос заранее готов ответ, что не составляет труда и вполне устраивает» носителей такого мышления». В более широком понимании о менталитете, например, национальном, говорят как об интериоризованной культуре.

мира (в том числе религиозной и естественнонаучной), более частных идей и представлений, а равно разнообразных страстей и привычек. (Отсюда фанатики, чудаки, коллекционеры, но вместе с тем алкоголики и наркоманы). Такая власть создаёт своего рода внутренний «локус контроля», не допускающий противоречащих ему решений. Разумеется, обе разновидности бессубъектной власти тесно взаимосвязаны, но мы не будем углубляться в эту тему. Заметим только, что власть закона, если этот закон воспринимается как легитимный, действует не из-за боязни санкций, а, как говорят юристы, через «единство правосознания и законопослушания», т. е. посредством соединения внутренней и внешней власти.

Субъектная внешняя власть — это обычная власть главы семьи (обычная теперь, правда, скорее, на Востоке, чем на Западе), взрослого над ребёнком, но вместе с тем и власть разного рода национальных или религиозных «вождей». Если они вооружаются ещё и идеями, возникают самые страшные тоталитарные системы правления. Но, между прочим, субъектная внешняя власть чаще всего и описывается в литературе как власть «вообще» или «произвол власти», что в данном случае для нас всё равно.

О субъектной внешней власти мы говорили выше, с ней также связаны такие популярные темы как чиновничья иерархия, неотъемлемые от неё бюрократия и коррупция. Мы частично затрагивали этот круг вопросов [Рац 2010б]. Вопрос о внутренней субъектной власти оставляем открытым: если различать власть и управление, то не исключено, что это случай шизофрении. (Ибо «забота о себе», «владение собой» в нашей парадигме относятся к теме самоуправления, а не власти).

* * *

В интересующем нас плане различение внутренней и внешней власти выводит на первый план несколько вопросов.

- В жизни России особую роль играет внешняя субъектная — *государева* власть, в склейке с обслуживающим её управлением оформляемая, как и в большинстве стран Азии и Африки, на западный манер в виде *государственной*. Так устроенные системы правления обычно и бывают приказными в отличие от сложившейся в последние сто — двести лет на Западе договорной системы. Эту тему мы будем обсуждать на материале истории, пока же заметим, что реальные системы правления как у нас, так и на Западе, содержат явную смесь (а по идее, систему) власти разных типов. Сказанное открывает новые пути к изучению и построению таких систем.

- Особую роль в последние лет двести играет распространённая во всем цивилизованном мире власть науки, в значительной мере унаследовавшей эту власть от религии (или разделяющая её с церковью). Вопреки распространенным представлениям власть науки столь же неоднозначна по своим последствиям. С одной стороны, науке обязана своим происхождением наша цивилизация (правда, не ей одной: роль проектной мысли не меньше, хотя она недостаточно рефлектируется). С другой, наука породила предметную организацию мышления [Щедровицкий 1977], препятствующую пониманию целого, и плоскую естественнонаучную (ЕН) картину мира, препятствующую развитию социально-гуманитарной мысли [подробнее об этом см.: Рац 2010а]. Мы говорили бы здесь об особой ЕН идеологии, порождаемой неконтролируемой экспансией ЕН представлений на социальный мир. С отставанием социально-гуманитарной мысли мы связываем так называемое «третье лицо» власти — способность систем правления «предотвращать... недовольство людей, формируя их представления... таким образом, чтобы они согласились с отведённой им ролью в существующем порядке вещей» [Льюкс 2010: 22]. В развитие гуманитарной мысли и в противовес предметной организации как раз формируется организационно-управленческое и обеспечивающее его методологическое мышление.

- Вспомним о трех ипостасях человека (табл. 1 в первой части нашей работы). Наш проект в целом направлен на «подъем» осознания и осмысления наших действий с уровня

индивидуального поведения на уровень коллективной М-деятельности, присущей личности³¹. Можно сказать, что индивид и личность различаются господством над ними власти разного типа. Гетерономный индивид подвластен тем или иным *готовым* интериоризованным картинам мира, идеям и т. п., он не может выйти за рамки своего менталитета, навязываемого ему с детства внешней властью. Автономная личность живёт под властью разума, постоянно порождая (в коммуникации с другими) новые идеи и замыслы, а поэтому внутренне свободна и независима от них и от внешней власти.

«Власть разума» (Г. Щедровицкий говорил точнее: о принудительной силе мышления) означает среди прочего власть над порождаемыми им идеями, и, наоборот, власть идей независимо от их содержания — это сдача позиций, «сон разума», рано или поздно рождающий чудовищ. Иными словами, «власть разума» — метафора свободы человека разумного, а свобода — атрибутивное свойство живой мысли, для существования которой в нашем проекте, благодаря системе правления в форме Д/Д+, создаются условия максимального благоприятствования.

3.6. Из понятийного окружения «власти»

3.6.1.Разделение властей и демократия (домашнее задание самим себе и читателям). Казалось бы, размышления о типологии власти неизбежно должны привести к классическим темам разделения властей, системе сдержек и противовесов и основанной на них демократии. Однако различение и перестройка (пока в мысли) отношений и связей власти и управления ломает эту привычную логику, построенную на синкретичном представлении о власти, имплицитно включающей в себя управление. В контексте нашей работы этот круг вопросов относится к теме правления, и предполагает развёртывание в двух вариантах: в рамках проектируемой системы Д/Д+ и наличной управвласти.

Прошлый раз, обсуждая проект системы правления в форме Д/Д, мы лишь коснулись этих вопросов. В следующий раз, согласно плану, мы должны обсуждать эти темы в контексте истории и соответственно в рамках системы управвласти. Поэтому сейчас мы восполним указанный пробел в предыдущей нашей публикации и коротко рассмотрим названные вопросы в рамках Д/Д+. Это тем более уместно, что теперь мы можем использовать наработанные представления о власти. Однако смысл нижеследующего по большей части состоит для нас именно в постановке вопросов: нам важно не столько утвердить свои тезисы, сколько инициировать работу мысли в этих направлениях. (Вообще это относится ко всей нашей работе, но к данному разделу — в особенности).

Что касается разделения властей, то в нем следует усматривать не просто «ветвление власти» и выстраивание системы «сдержек и противовесов», но результаты прорисовки и структурирования сложных механизмов правления на государственном уровне. Похоже, что собственно властью, да и то с натяжкой можно считать только две ветви — исполнительную и судебную. Точнее, они мыслятся как механизмы, обеспечивающие осуществление власти закона. С законодательной властью дело обстоит сложнее. И здесь традиционную научную мысль было бы полезно дополнить проектной.

Имея в виду соображения, изложенные в п. 2.2.5 в свете различения власти и управления, законодательную власть (или то, что мы привыкли так называть) можно квалифицировать в её основной законотворческой функции как форму управления, осуществляемого посредством принятия новых законов. При этом основным процессом оказывается легитимация, переводящая волю законодателей в бессубъектную власть закона. (Отнюдь не случайна в современном западном мире тенденция к широкому общественному обсуждению законо-

³¹ Если угодно, сказанное можно понимать, как переинтерпретацию и операционализацию мечты о возможности для каждого добиться успеха, идя по своему пути и полагаясь на собственные силы. Только по недоразумению (смешивая личность с индивидом) эту мечту можно связывать с идеологией индивидуализма.

проектов, характерная, как мы говорили, именно для систем управления в отличие от власти). Этот момент немаловажен, поскольку в противоположность распространённой идее управления как функции власти он демонстрирует подчинение (исполнительной и судебной) власти управлению. Во избежание недоразумений, подчеркнём ещё, что переквалификация (из власти в управление) никак не умаляет достоинства законодательной деятельности: работа законодателей остаётся на своем месте, меняется её понимание и осмысление.

Существенного дополнения и развития требует идея сдержек и противовесов. В своем классическом виде эта концепция работает применительно к власти в общепотребительном смысле (т. е., если забыть о существовании управления). Власть ветвится, и разные её ветви и веточки сдерживают друг друга на всех уровнях властной иерархии сверху донизу, вплоть до организации работы в отдельных учреждениях. Эта картина была прорисована ещё сто лет назад классиком русской правовой мысли Н.М. Коркуновым [2005].

Однако если вспомнить об управлении, коренное различие между ним и властью окажется очень наглядным, благодаря тому, что в отличие от балансировки различных ветвей власти различные системы управления вступают в более сложные кооперативные отношения. А если и когда они пытаются взаимно управлять друг другом, возникают совсем иные — политические отношения, о которых мы уже говорили в предыдущей статье (раздел 2.2.3). Вообще же в рамках нашего проекта основной баланс выстраивается именно между «чистой» властью и управлением. Эту коллизию мы описывали в разделе 2.2.5, пользуясь схемой процесс — механизм, обеспечивающей стабильность при развитии, и ещё вернёмся к ней чуть ниже (в разделе 3.6.2).

Сообразно всему сказанному проблематизируется классическая трактовка демократии как власти народа: за отсутствием подвластных она оказывается оксюмороном. **Демократию следует мыслить не как власть народа, а как форму его самоорганизации и самоуправления.** (Собственно, это и отличает народ от населения). Указанная форма может реализоваться двумя способами: посредством доминирующего пока представительства и выходящей в последнее время из тени прямой демократии (она же демократия участия), характерной для республиканской традиции. Выделенный тезис — отнюдь не формальное «определение понятия», а содержательное суждение, из которого следуют вполне практические выводы. Тем более что, несмотря на известную мысль Черчилля³², нет никаких оснований считать, что исторически сложившиеся формы либеральной демократии являются единственно возможными или наилучшими.

Как известно, ещё Платон указывал на недостатки демократического правления. «Никогда многие, кто бы они ни были, не смогут», даже овладев необходимыми знаниями, разумно управлять государством [Платон, б/г]. В середине позапрошлого века Д.С. Милль систематизировал предостережения против опасностей демократии (хороший обзор его взглядов на этот счёт сделал недавно М. Момот [2013]). Наш замечательный политический мыслитель Б.Н. Чичерин [1900: 276] афористично заметил, что демократия не может быть идеалом человеческого общежития по той простой причине, что она «даёт преобладание наименее образованной части общества». Критические соображения о представительном правлении и всеобщем избирательном праве изложены в целом ряде недавних работ, например, Б. Каплана [2012] и, особенно, Б. Манена [2008]. Прекрасные публицистические выступления по этому поводу принадлежат Ю. Латыниной [2014 и др.].

В рамках нашей концепции выстраиваются контуры **деятельностной демократии, как описанной прошлый раз системы правления в форме деятельности над деятельностью со встроенным в эту систему механизмом бессубъектной власти закона.** Субъективация власти в такой системе должна быть запрещена конституцией.

³² «У демократии много недостатков, но ... до сих пор никто не изобрёл ничего лучшего».

Деятельностная демократия оказывается тогда уникальной формой правления: прочие формы при таком понимании демократии принципиально отличаются от неё субъектностью власти и различаются между собой субъектами власти и конкретными способами её организации. Практически важно, что деятельностная демократия, по нашему замыслу, наследует традиции республиканизма и явно отличается от сложившихся на Западе либеральных форм, где во главу угла ставится идея представительной власти и всеобщее избирательное право. Тем не менее, это не мешает рассматривать наши предложения в рамках либеральной традиции (например, либертарианства), хотя мы предпочли бы считать, что речь идёт о новой версии либерализма в XXI веке. С учётом, конечно, того факта, что она восходит, как минимум, к Б. Констану [1993], чья классическая трактовка свободы, данная без малого двести лет назад, состоит в том, что «это **право каждого подчиняться одним только законам**», а никому и ничему помимо них. В этом тезисе мы и видим **принципиальный ответ на вопрос современных политических мыслителей о том, как избежать господства человека над человеком**, или, по-нашему, субъективации власти.

Другое дело, что от принципиального ответа до его практической реализации нужно пройти длинный и непростой путь. За двести лет было, конечно, сделано немало, но, во-первых, преимущественно в европейском культурном ареале, а во-вторых, похоже все-таки, что и здесь впереди нас ещё ждёт дальний путь.

3.6.2. Власть и право. Подытоживая высказанные соображения о наиболее распространённой до нашего времени субъектной власти, можно говорить про власть как обобщающее представление о разнообразных силах, противостоящих автономии человека (в кантовском понимании), препятствующих реализации этой автономии. Но хитроумные люди выдумали такой способ употребления власти в условиях человеческого общежития, который, оставляя её препятствием для автономии каждого отдельного персонажа, и именно благодаря этому, одновременно способствует реализации автономии многих. Для этого они отдали власть правовому закону. Получился такой своего рода «регулятор свободы». Вообще нужно думать, что *изобретение* права сыграло примерно такую же роль в общежитии, как обретение огня в хозяйственно-технической деятельности человека.

Мы уже упоминали власть правового закона (в числе характерных примеров бессубъектной власти), но важность стоящей за этим упоминанием темы требует хотя бы предварительного — повторим, в порядке постановки вопроса — специального её рассмотрения. Вопрос о соотношении власти и права является не только одним из фундаментальных для философии права и юридической науки, но и важнейшим для нашего проекта в целом. При этом естественно, что введённые выше представления о власти существенно влияют на наше правописание. Менее очевидно обратное: будучи соотнесённой с понятием власти идея права «вырезает» или «высвечивает» из всего его объёма особый тип власти, называемый обычно политической или государственной (здесь нам неважны различия между ними). Тип — на фоне едва немеченой нами типологии власти — столь же узкий, сколь значимый, кардинально важный для человеческого общежития; мы уже говорили о нем, вводя представление о власти как кентавр-системе.

Как раз наиболее важным в данном контексте оказывается, что предлагаемое объединение в понятии власти как субъектных, так и бессубъектных форм её существования сильно влияет на соотношение власти и права. Дело в том, что до сих пор под властью в большинстве случаев, как в политической науке, так и на житейском уровне, подразумевается субъектная власть. Обсуждения же власти закона, верховенства права и правового государства идут как бы параллельно преимущественно у юристов и правозащитников. Право при этом противопоставляется власти и выступает как её ограничение.

Но понятно, что ограничением власти может служить только другая, более «сильная» власть. В рамках наших представлений **власть (правового) закона оказывается одним из типов власти, а его функционирование одновременно с субъектной властью в фактиче-**

ски существующих системах правления **резонно трактовать как ещё один** — и притом важнейший — **вариант разделения властей**. В противостоянии власти субъекта и власти закона в реальной жизни решается вопрос о типе характеризуемой таким образом системы правления. Верховенство субъектной власти определяет систему управласти, верховенство права — систему Д/Д+. Причём во втором случае субъектная власть «превращается» в управление как в филогенезе (исторически управленческая деятельность рафинируется по мере развития правовой системы), так и в онтогенезе: в ситуации законодательного регулирования той или иной типовой коллизии. К этому ещё полезно добавить, что власть закона не следует смешивать с законодательной властью. Это видно даже из того, что за них ответственны разные «ветви власти». Законодательная власть, которую мы истолковали выше как управление посредством законотворчества, осуществляется (по преимуществу) парламентом, в то время как власть закона поддерживается правоохранительной системой.

Что касается правопонимания, мы не можем здесь вдаваться в философию права. Выделим только один общий момент, во-первых, отвечающий современной культурно-исторической ситуации, какой мы её видим; во-вторых, соответствующий изложенным представлениям о власти и вместе с тем, в-третьих, важный для нашего проекта в целом. Речь о различии фактического и формального равенства. Если их не различать, отмечал В.С. Нерсесянц [1997: 19], «подобная путаница всегда, так или иначе, носит антиправовой характер». Как писал за полвека до того Ортега-и-Гассет [1991], «под поверхностью всей современной жизни кроется глубочайшая и возмутительнейшая неправда — ложный постулат *реального* равенства людей». Много лет спустя Нерсесянц [1997] построил целую концепцию *формального* равенства, противостоящую этому «ложному постулату» (курсив везде наш — М.Р., С.К.). Мы разделяем позицию В.В. Лапаевой [2008], согласно которой любые другие трактовки права остаются правом «лишь постольку, поскольку соответствуют принципу формального равенства». Именно и только такой взгляд мы считаем релевантной основой правопонимания в наше время и в ориентации на него развёртываем свой проект.

В наше время это тем более актуально, что «возмутительнейшая неправда», о которой три четверти века назад говорил Ортега, ныне стала официальной идеологией не отдельно взятого тоталитарного режима СССР, а всего западного мира. Теперь она прикрывается словами о мультикультурализме и политкорректности, но новая вывеска дела не меняет. Яркую характеристику этого явления дал А. Кох в предисловии к русскому переводу нашумевшей книги Т. Саррацина «Германия; самоликвидация» [2012]. Резонно сравнивая политкорректность с раковой опухолью, он пишет, что идеология политкорректности лишает Западную демократию «своего главного козыря в глобальной конкуренции — интеллектуальной свободы. (Вспомним, что говорилось выше о власти идей — М.Р., С.К.). Серые, недалёкие, прекраснодушные горлопаны, как иезуиты времён инквизиции, формируют ментальные каноны, в которых должен существовать свободный разум. И всякое отступление от этого канона подвергается истерическим нападкам именем гуманизма и сострадания». А растраниживание народных денег на уравнилельные проекты «ведёт к тому, что бесплатные раздачи привлекают любителей халявы со всего мира» [Саррацин, 2012: 9, 7]³³.

Принцип формального равенства относится, в сущности, к правоспособности субъектов права. «При формальном равенстве и равной правоспособности различных людей их реально приобретённые права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни и т. д.) будут неравными: жизненные различия, измеряемые и оцениваемые одинаковым масштабом и равной мерой права, дают в итоге различия в приобретённых, лично принадлежащих конкретному субъекту (в этом смысле — субъективных) правах. Такое различие в приобретённых правах у разных лиц является необходимым результатом как раз соблюдения, а не нарушения принципа формального (пра-

³³ Дискуссии о самой книге Т. Саррацина явно выходят за рамки нашей темы.

вового) равенства этих лиц, их равной правоспособности [Нерсесянц, 1997: 21]. Сопоставляя сказанное с изложенными выше представлениями, **принцип формального равенства нужно понимать как юридическое выражение идеи бессубъектной власти**. Выражение специфичное именно для сферы права в отличие от культурной, религиозной и других видов социальной регуляции.

Мы рискуем наметить здесь ещё один ход мысли. Вспоминая о классической концепции «естественного права», принцип формального равенства приходится трактовать, несомненно, как не естественный, даже противоестественный. Потому что «естественное положение вещей» в его натуральном понимании заключается в том, что «реальное» право (в противоположность формальному), как возможность произвести некое действие всегда на стороне сильного. Но с точки зрения принципа формального равенства «право сильного» — никакое не право в формально-юридическом смысле. Важно ещё, что наряду со сказанным в нашем исходном полагании (на счёт «естественного права») есть некоторая игра слов. Исторически сложилось положение, когда «естественное» в словосочетании «естественное право» противостоит не «искусственному» (как в категориальной паре *искусственное vs естественное*), а произвольному. Именно, произволу субъектной власти правителей, в противостоянии неограниченной власти которых и формировалось естественное право. Сторонники естественного права призывали на свою сторону «природу вещей», а затем (поскольку абсолютная власть апеллировала к своему божественному происхождению) — и Бога: «Бог создал людей равными». Т. е., имея в виду категорию «естественное-искусственное», нужно признать, что так называемое «естественное право», по существу, должно мыслиться чисто искусственным.

И в современном обществе мы можем апеллировать при этом не к Богу, а к правовой мысли, подарившей нам принцип формального равенства. Тем более что предлагаемая интерпретация «естественного права» даёт возможность переосмыслить и уточнить его противопоставление концепции позитивного/ нормативного права, позволяющей оправдывать произвол государства. **Правовым может считаться только закон, обеспечивающий формальное равенство всех субъектов права в регламентируемой им области**³⁴.

В связи с этим приходится вернуться к теме демократии, поскольку из сказанного отнюдь не вытекает всеобщее и равное избирательное право. Б. Каплан [2012: 281] остроумно уподобил доступ к избирательной урне доступу к управлению автомобилем: очевидно, что то и другое требует определённой подготовки. Но, с нашей точки зрения, много важнее перенос акцента с представительства на прямое участие граждан в управлении, о котором мы уже говорили. Связанные с реализацией этой идеи проблемы хорошо известны, но их обсуждение здесь неуместно. Нужно лишь сказать, что речь идёт именно о соучастии в управлении в отличие от власти, которая никакого соучастия не предполагает и фактически не терпит. Управление же, в свою очередь, вовсе не предполагает никакого равенства: в отличие от власти оно как раз связано с фактическим неравенством людей. Не из каждого получается Уинстон Черчилль или Генри Форд.

С учётом всего сказанного **в концепции правового государства легко узнается наша система правления в виде Д/Д+.** Она предстаёт для нас как идеальная конструкция из деятельностной картины мира, форма организации правления, основанного на у-правлении, на триаде: политика — управление — нормоконтроль (власть закона). В натуралистической картине мира при господстве поведенческой парадигмы рисуется другая система правления (управласть), основанная на субъектной власти (господстве человека над человеком), на диаде: политика — власть. И здесь «правовое государство», строго говоря, в принципе немыслимо: здесь господствует государство от слова «государь», **антипод правового — государство субъектной власти.**

³⁴ Разумеется, это необходимое, но недостаточное условие, а при формировании социальной политики, особенно связанной с иммигрантами, здесь возникает масса вопросов, явно выходящих за рамки нашей темы.

Другое дело «за окном» в рамках господствующей пока синкретичной постмодернистской картины мира: здесь всё перемешано и склеено. В частности, правовое государство обычно трактуется как государство, власть которого ограничена правом, которое, следовательно, оперирует властью в особой институциональной форме, ограничивающей господство человека над человеком властью правового закона. Короче, как идеал в рамках управласти. Но при всех благих пожеланиях реализация этого идеала была и остаётся проблематичной, а отношения господства-подчинения пока неизбывны даже в самых что ни на есть правовых государствах. Если же обратиться к идеальной действительности, то **власть правового закона из деятельностной картины мира** (т. е., нашего проекта — см. табл. 2) **и власть человека над человеком из натуральной картины мира несовместимы, существуют в разных мирах**. «Произвол» же — единственная форма существования субъектной власти, поскольку с правом как формальным равенством она несовместима в принципе, по понятию. Следовательно, в отличие от реальной жизни в идеальной действительности невозможно помыслить ограничение субъектной власти правовым законом.

Из чего, в свою очередь, вытекает, что теоретически немыслима и такая (в нашем мире часто полезная и необходимая) деятельность, как правозащита. Вся необходимая защита права в принципе достигается запретом на субъективацию власти и проверкой законов на правосообразность. Другое дело, что в реальном мире для осуществления такой идиллии, правозащитная деятельность как раз и необходима. Более того, мы рискнём утверждать, что именно идеал верховенства права и власти закона ещё долго останется реальной силой, способствующей переходу к системе деятельности над деятельностью, минимизирующей отношения господства/ подчинения в обществе. Тут может быть полезна аналогия с обеспечением безопасности, для достижения которой всего-то и нужно правильно организовать деятельность, безопасность которой мы хотим обеспечить. Почему-то это не получается, а, если бы получилось, то само обеспечение безопасности оказалось бы излишним. В этом смысле мы имеем здесь типовой случай: правозащитная деятельность необходима для достижения реального господства права, но стала бы ненужной и невозможной, если бы и когда оно было достигнуто.

Как говорил Г.П. Щедровицкий [1994], «...в III тысячелетии должны разрабатываться новые законы и системы права, защищающие [мыслящего] индивида от произвола власти и коммунальных связей учрежденческих структур, а также...» Продолжение цитаты выходит за рамки настоящей статьи, но важно для нашего проекта в целом: «...новые системы индивидуально-личностной подготовки и образования, формирующие человека, способного мыслить и действовать в новых, непрерывно меняющихся ситуациях».

* * *

Мы думаем, что настоящий текст не требует выводов: сказанное здесь и есть выводы из наших многолетних попыток осмыслить феномен власти в культурно-исторической ситуации, сложившейся во второй половине XX — начале XXI веков. Разве что нужно подчеркнуть ещё раз, что сама по себе власть не плоха и не хороша: в данном случае, как обычно, всё зависит от её места и функций в системе правления. Мы говорим о двух типах таких систем. Первый представлен охарактеризованной нами прежде системой Д/Д (не забудем и про символическую добавку: +) со встроенной в неё бессубъектной властью, сводящей к минимуму возможные злоупотребления, и, главное, обеспечивающей возможность развития общества. Второй — это древнейшие системы управласти, т. е., преимущественно властного правления, где власть субъективирована и локально, по идее, может с равным успехом использоваться как во благо, так и во зло, но глобально препятствует развитию. Таким образом, мы возражаем Шайхутдинову и в его лице всем поклонникам власти, считающим, что «власть — это хорошо». Не менее основательно суждение О. Мандельштама: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». Теперь мы понимаем, что всё зависит от того, о какой власти идёт речь.

Дальше при рассмотрении исторического аспекта нашей темы мы вернёмся к некоторым из намеченных здесь сюжетов и обсудим их более систематическим образом. Покажем, как именно *de facto* складываются отношения власти и управления, какая при этом формируется система правления: ведь, отталкиваясь именно от нее, мы строили свой представленный ранее проект Д/Д.

В заключение мы благодарим А.Е. Балобанова, Ю.М. Березкина, А.Я. Большунова, Л.М. Карнозову, В.Г. Марачу, Б.Г. Слепцова, А.Н. Соколова, прочитавших эту статью, как говорится, в первой редакции (таких редакций было много) и сделавших ряд полезных замечаний. Наша благодарность также участникам семинара В.Г. Марачи в Фонде «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», где уже стало традицией ежегодное обсуждение нашей работы. В сущности, она и шла в постоянном диалоге с нашими читателями и слушателями.

Актон Дж. 1992. *Очерки становления свободы*. — Лондон. — Доступно: http://krotov.info/library/01_a/akt/on2.htm. — Проверено: 24.08.2015.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли*. — М.

Берлин И. 2001. *Философия свободы*. — М.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. — М.

Вироли М. 2014. *Свобода слуг*. — М.

Диспозиции... 2011. *Диспозиции. Сборник статей участников семинара «Управленческие и методологические практики» 2010–2011*. — М. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/projects/seminar/practise>. — Проверено: 24.08.2015.

Донзло Ж, Гордон К. 2008. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире. — *Логос*. — № 2(65). — Доступно: www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/01.pdf. — Проверено: 24.08.2015.

Закария Ф. 2004. *Будущее свободы: нелиберальные демократии в США и за их пределами*. — М.

Каплан Б. 2012. *Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику*. — М.

Капустин Б.Г. 2004. *Моральный выбор в политике*. — М.

Категории... 2002. *Категории политической науки*. — М.

Кильдюшов О. 2014. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. — *Социологическое обозрение*. — Том 13. — № 3. — Доступно: http://sociologica.hse.ru/data/2014/12/29/1103792562/1SocOboz_13_3.pdf. — Проверено: 24.08.2015.

Клок К, Голдсмит Дж. 2004. *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. СПб.

Книга... 1993. *Книга правителя области Шан*. 2-е изд., доп. — М.

Констан Б. 1993. О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей. — *Полис. Политические исследования*. — № 2. — Доступно: http://www.civisbook.ru/files/File/1993-2-Konstan-O_svobode.pdf. — Проверено: 24.08.2015.

Коркунов Н.М. 1998. Лекции по общей теории права / Хропанюк В.Н. *Теория государства и права. Хрестоматия*. — М. — Доступно: <http://www.kursach.com/biblio/0020005/403.htm>. — Проверено: 24.08.2015.

Лапаева В.В. 2008. Правовой принцип формального равенства. — *Журнал российского права*. — № 2. — Доступно: <http://teoria-prava.hse.ru/files/library/лапаева.pdf>. — Проверено: 24.08.2015.

Латынина Ю. 2014. Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента. — *Новая газета*. — № 83–85. — 30.07–4.08. — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/columns64625.html>. — Проверено: 24.08.2015.

Липкин А.И. 2007. Российская самодержавная система правления. — *Полис. Политические исследования*. — № 3. — Доступно: <http://philosophy.mipt.ru/publications/works/lipkin/civilization/LipkinPubl05.html> — Проверено: 24.08.2015.

Льюкс С. 2010. *Власть: радикальный взгляд*. — М.

Макаренко В.П. 2010. «Свой чужой»: концепт русской власти. — *Политическая концептология*. — № 2. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/07.pdf>. — Проверено: 24.08.2015.

Манен Б. 2008. *Принципы представительного правления*. — СПб.

Миллер А. 2015. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. — *Новая газета*. — № 1.06. — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>. — Проверено: 25.08.2015.

Милль Д.С. 1982[1900]. *О свободе*. — СПб. — Репринт Н.-Й.

Нерсесянц В.С. 1997. *Философия права*. — М. — Доступно: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1095.html. — Проверено: 26.08.2015.

Никитаев В.В. 2004. Философия и власть: Георгий Щедровицкий (последний проект модерна). — *Кентавр*. — № 34. — Доступно: <http://bigc.ru/theory/books/sgporu/pg.php>. — Проверено: 26.08.2015.

Никольский С.А. 2015. Народная память и власть. — *Независимая газета*. — № 22.05. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2015-05-22/5_memory.html. — Проверено: 26.08.2015.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.

Ортега-и-Гассет Х. 1991. *Эстетика. Философия культуры*. — М. — Доступно: http://rebels-library.org/files/philosophy_of_culture.pdf. — Проверено: 26.08.2015.

Ортега-и-Гассет Х. 1997. *Избранные труды*. — М.

[Паин Э.] 2015. *Магия тоталитаризма: о том, как Россия пришла к новой форме правления, и о том, сколько это всё ещё будет длиться*. — Доступно: <http://www.colta.ru/articles/society/7139>. — Проверено: 26.08.2015.

[Павловский Г.О.] 2011. Модель в цейтноте. — *Русский журнал*. — № 13.12. — Доступно: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Model-v-cejtnote>. — Проверено: 26.08.2015.

Пивоваров Ю.С. 2004. О некоторых исторических особенностях русской политики. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.

Пивоваров Ю.С. 2005. Партия власти: от идеи к воплощению. — *Независимая газета*. — № 12.10. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2005-10-12/7_party.html. — Проверено: 26.08.2015.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в её историческом и культурном отношениях*. — М.

Пивоваров Ю.С. 2014. Выступление 28 мая 2009 г. (Стенограмма творческой мастерской 28–29 мая 2009 г.: система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?). — *Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий*. — Ростов-на-Дону. — С. 13–36.

Платон. б/д. *Политик*. — Доступно: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/polit.htm>. — Проверено: 26.08.2015.

Попов С.В. 2005. Природа власти. — *Кентавр*. — № 37. — Доступно: <http://circleplus.ru/archive/n/37/9>. — Проверено: 26.08.2015.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. — М.

Прохоров А.П. 2003. *Русская модель управления*. — М.

- Пузырей А.А. 1997. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники. — Вопросы методологии. — № 3–4. — С. 148–164. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1997/3-4/v973ru20>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М. 2006. Методология и свобода. — *Кентавр*. — № 36(2). — Доступно: <http://circleplus.ru/archive/n/36/2>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В. 2007. Власть разума или власть идеи? — *Вопросы философии*. — № 10.
- Рац М.В. 2010а. «Искусственное» и «естественное». — *Философия России второй половины XX века. Георгий Петрович Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН. — С. 319–358.
- Рац М.В. 2010б. Бюрократия в контексте перемен: политики, управленцы, чиновники. — *Полития*. — № 3–4. — Доступно: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Ratc-2010-3-4.pdf. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В. 2011. Управление и развитие. — *Диспозиции*. — М.
- Рац М.В. 2012. Инновационная политика: возможные концептуальные основы. — *Альманах «Наука. Инновации. Образование»*. — Вып. 11. — М. — Сс. 74–89. — Доступно: <http://www.riep.ru/almanac-science-innovations-education/11000007/>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В., Котельников С.И. 2014. Власть или управление? — *Политическая концептология*. — № 1. — С. 156–209. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/00.pdf>. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В., Котельников С.И. 2014а. Случай с Академией — что нужно реформировать? — *Независимая газета, НГ-наука*. — 12.03. — Доступно: http://www.ng.ru/nauka/2014-03-12/12_academy.html. — Проверено: 26.08.2015.
- Рац М.В., Ойзерман М.Т., Слепцов Б.Г. 1996. Ресурсы и ресурсная политика. — *Вопросы методологии*. — № 1–2. — С. 3–20.
- Сабуров Е.Ф. 2008. «Зависимость от прошлого пути» — удел неудачников. — Доступно: <http://www.specletter.com/ekonomika/2008-09-20/zavisimost-ot-proshlogo-puti--udel-neudachnikov.html>. — Проверено: 26.08.2015.
- Саррацин Т. 2012. *Германия; самоликвидация*. — М.
- Смехов В. 1991. Комплексы мои дорогие. — *Независимая газета*. — 18.12. — № 163. — Доступно: http://www.sem40.ru/evroplanet/destiny/24304/index_text.shtml. — Проверено: 26.08.2015.
- Сморгунов Л.В. (ред.). 2006. *Государственная политика и управление. Ч. 1. Концепции и проблемы...* — М.
- Филиппов А.Ф. 2013. Политическое и полицейское. — *Независимая Газета*. — 15.02. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2013-02-15/5_police.html. — Проверено: 26.08.2015.
- Философия... 2004. *Философия: Энциклопедический словарь*. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина.
- Фромм Э. 1990. *Бегство от свободы*. — М.
- Фуко М. 1996. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. — М.
- Фуко М. 2005. *Нужно защищать общество*. — СПб.
- Фуко М. 2008. Дискурс и истина. — *Логос*. — № 2. — Доступно: http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/07.pdf. — Проверено: 26.08.2015.
- Фуко М. 2011а. *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году*. — СПб.
- Фуко М. 2011б. *Управление собой и другими: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–83 учебном году*. — СПб.
- Халипов В.Ф. 2002. *Кратология — наука о власти*. — М. — Доступно: http://provizitku.ru/politosociolog/khalipov_v_f_kratologija_-_nauka_o_vlasti_monografija_ross_munic_akademija_m_ekonomika_2002_367_s.html. — Проверено: 26.08.2015.
- Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М.

- Хархордин О. 2002. *Понятие государства в четырёх языках*. — СПб; М.
- Хейвуд Э. 2005. *Политология*. — М.,
- Чичерин Б. Н. 1900. *Философия права*. — М.
- Шайхутдинов Р.Г. 2005. *Охота на власть*. — М.
- Шапиро И. 2012/ О не-господстве. — *Логос*. — № 4. — С. 3–35. — Доступно: http://www.yale.edu/macmillan/shapiro/2012_4_Logos_320.pdf. — Проверено: 26.08.2015.
- Щедровицкий Г.П. 1977. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач. — *Доклад на симпозиуме «Логика научного поиска»*. 30.11. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/82>. — Проверено: 26.08.2015.
- Щедровицкий Г.П. 1994. Будущее есть работа мышления и действия. — *Вопросы методологии*. — № 3–4. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1994/3-4/v943shg0>. — Проверено: 26.08.2015.
- Щедровицкий Г.П. 1995. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. — Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. — М. — С. 281–299. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/57>. — Проверено: 26.08.2015.
- Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. — М.
- Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности (основные понятия и принципы)*. — М.
- Яковенко И.Г. 2007. *Культурные истоки тоталитаризма в России*. — Доступно: http://old.sakharov-center.ru/projects/projects_book/kon5/teachers11051.php. — Проверено: 26.08.2015.
- Янов А. 2015. *Русская идея выходит на улицу*. — Доступно: <http://snob.ru/profile/11778/blog/86087>. — Проверено: 26.08.2015.